

СВЕТЛАНА
ДЕНИЗ

The poster depicts a woman in a red gown being held by two men in a gothic setting. The woman has long dark hair and is wearing a red dress with silver lace. The man on the left has blonde hair and wears a green velvet jacket, while the man on the right has dark hair and wears a dark suit. The background is a gothic cathedral interior with a large stained-glass window. A glowing, fiery orb is visible in the lower right corner, surrounded by sparks and embers. The overall color palette is dominated by reds, blues, and golds.

ПАРИ

18+

Светлана Дениз

Пари

<https://litres.ru/74517133>

SelfPub; 2026

Аннотация

Остенбург - столица королевства Анария. Роскошный город, где каждый год открывается светский сезон. Балы, вечера, рауты, официальные гуляния.

Красота залов, роскошные ужины, слепящие взор драгоценности и изысканные наряды вызывают восторг, но часто скрывают истину, которую несут в себе люди.

Аделина Поли, юная красавица, сводит с ума дюжины мужчин, но отказывает почти всем, пока на горизонте не появляется загадочный господин Бартон. Он недавно появился в Остенбурге и уже успел покорить город.

Никогда ранее, Аденина не чувствовала столь явного трепета. Что это? Неужто долгожданная любовь?

Вот только девушка не знает, что загадочный Бартон несёт в себе не только особую харизму и притягательность, но и тайны.

Его сердцем правит тьма, его желания пропитаны коварством, в его целях - игра.

Игра на чувствах. Филипп не знает, чем все закончиться, ведь ставки невероятно велики.

Можно потерять все, но обрести свет души. Можно потерять душу, но обрести силу и власть.

Куда приведет эта игра?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	35
Глава 3	57
Глава 4	82
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Светлана Дениз

Пари

Пролог

«Hôtel particulier», выглядел почти так же, как и другие публичные дома в Анарии. Единственное, в этом стены украшало немыслимое количество зеркал в облупленных местах, золотых рамах, кричащие от роскоши бра, в виде увесистых цветов роз и бархатные, массивные портьеры.

Удушающий аромат благовоний, густой и насыщенный, казалось, вьелся в стены, как и запахи тел, попеременно с виски и дешевым шампанским.

Филипп небрежно оглядел основной зал, застегивая на ходу пуговицы безупречной белой рубашки и прищурившись, нашел взглядом Луиса, своего друга, с которым был знаком еще со времен военной службы.

Деревянные ступени, покрытые красной ковровой дорожкой, выдали еле заметный скрип сквозь громогласные басы фортепьяно и зазывного пения одной из гурий, в сверкающем золотыми пайетками платье до самого пола.

Наконец, найдя друга, молодой мужчина уселся рядом за стол, покрытый атласной скатертью винного цвета, и не ща-

дя, плеснул себе в стакан виски, жадно опорожнил горький, пробирающий грудь напиток.

Луис и бровью не повел. Друг выглядел задумчивым и одновременно скучающим. Видимо, «Hôtel particulier», ему пресытил, как и то, что скрывалось внутри самого лучшего публичного дома Остенбурга.

- Как тебе Мартиша? – вяло поинтересовался друг. Его светлые ресницы слегка затрепыхались, пока он затягивался сигаретой. Струйки густого, белесого дыма, наполняли все пространство основного зала, плавно поднимаясь к потолку.

Везде раздавались голоса, смех, в воздухе кружилась сладострастная похоть, от которой многие, не устояв, так и не доходили до второго этажа, где находились комнаты фавориток заведения.

В одной из них, среди шелковых золотых обоев, Филипп наслаждался Мартишей, главной красавицей этого заведения. Рыжая бестия, с огромными зелеными глазами, пышной наливной грудью и манящими губами, показалась Филиппу слишком неестественной, слишком восхищающейся им. Она была хороша в постели, привлекательна, но не вызвала у молодого мужчины роя чувств. Возможно, он просто пресытился и уже мало кто мог зародить в нем, некое желание, с которым было непросто справиться, да и не хотелось.

Филипп никогда не любил, считая любовь чем-то глупым, наивным и абсолютно ненужным. Его вполне устраивала его жизнь, в которой встречались недолгие интрижки с дамами

из высшего света и девицами на ночь, вот в таких вот заведениях, как это.

- Неплохо, — ответил, наконец, Филипп, — не знал, что в чопорном Остенбурге, такие артистичные куртизанки.

Луис тихо рассмеялся, покрутив в руке полупустой бокал с янтарной жидкостью.

- Мартиша иногда перебарщивает, но она хороша. Возможно, ты любишь поизящнее? – вздыхая, протянул Луис. Голубые глаза друга сверкнули в полутьме. Филипп отмахнулся. – В любом случае ты не разочаруешься столицей, я тебе обещаю.

- Меревиль, покажется деревней?

- Не думаю, - затянулся сигаретой Луис, - они просто разные, как куртизанка и великосветская дама, которая скрывает за своей изящной статью, свою тайную личину, в которой много страсти и желания. К слову, сезон давно начался, а это значит, что ты прекрасно проведешь время. Я введу тебя в свет, познакомлю с нужными людьми, чтобы ты смог быстро обосноваться. Восточный кофей сейчас набирает масштабные обороты в столице. Ты разбогатеешь еще больше, уверяю. Будешь кофейным магнатом. А уж твоя любовь к лошадям! Представляю очереди у особняка, чтобы посоветоваться с тобой о покупке настоящего сокровища.

Филипп поморщился, хотя ему льстили оды Луиса.

Молодой мужчина, буквально с седмицу назад прибыл в Остенбург, решив осесть именно здесь, после того как схоро-

нил единственную родственницу, тетушку Эмму, почившую из-за чахотки. Кроме Эммы, у Филиппа никого не было.

Один, с огромным состоянием своего отца и матери, он умудрился, благодаря людям сведущим, не потерять ни цента, вложился в восточный кофе, который стал одним из самых популярных напитков в королевстве Анария.

Наследие он получил после своего совершеннолетия, как только постиг долг службы королевства. До этого он жил вполне себе не бедно, но не так богато, как хотелось бы, но завещание отца имело место и ждало своего часа.

Родителей не стало, когда Филиппу было не более восьми лет. Они умерли от лихорадки. Мальчик остался жив, а вот Бенедикта и Недвил Бартоны оставили единственного сына сиротой. Тетка приютила ребенка и воспитывала жестко и деспотично.

Филипп не очень любил вспоминать то время, когда его близких не стало. Порой ему казалось, что с их уходом, его сердце словно покрылось коркой льда. Он потерял тех, кого безусловно любил и более не желал сталкиваться с тем чувством опустошения, которое постигло в столь ранние годы.

В Меревиле, в восточном городе королевства, его ничего не держало. Филипп спокойно мог вести дела из столицы Анарии, оставив там своих доверенных лиц. Тем более, Меревиль, где он прожил почти всю свою жизнь, ему претил и напоминал о не самом приятном времени.

Филиппу хотелось иного. Он желал особого удовольствия,

которого он непроизвольно искал, но так и не находил, наслаждаясь богатством и красивыми женщинами, вешающимися как грозди винограда. Да, Филипп был привлекательным молодым мужчиной. Копна темно-русых, почти черных волос, зеленые глаза, непростой, пронизывающий взгляд, уверенный подбородок и выразительные скулы, делали его желанным. Им восхищались, его хотели. Филиппу, даже не надо было напрягаться, чтобы завладеть чьим-то сердцем. Девушки сами льнули к нему, а он, избалованный вниманием, иногда замечал за собой непреодолимое желание власти, которое пьянило, но не давало ощутить что-то такое, очень важное и непонятное, что он искал.

Искал иголку в стоге сена, и это злило Филиппа.

- Кстати, на днях дают бал у семьи Метьюс. Они не скупердяи, всегда подают отменные напитки и закуски. Пойдем туда вместе, чтобы ты познакомился с главными представителями Остенбурга.

К Луису подплыла одна из гурий. Длинные ноги прикрывал шлейф из золотистой органзы. Собственно, это была вся ее одежда, за исключением изумрудного оттенка, свисающих до самых плеч сережек. Золотистые локоны прикрывали обнаженную грудь. Девушка улыбалась и зазывно смотрела на друга. В левой руке она держала пузырящееся шампанское в высоком бокале.

- Ты обещаешь мне веселье? – фыркнул Филипп.

Его друг пристально посмотрел на него. В голубых гла-

зах, будто горел дьявольский огонь. Губ коснулась кривая ухмылка, подчеркивая еле заметный, небольшой шрам на подбородке.

- А почему бы и нет? Остенбург многогранен. Он манит, влюбляет и никогда не прощает, - усмехнулся парень, оправляя рукой светлые волосы. Гурия продолжала сидеть на его коленях, поглаживая шею друга, с особым трепетом заглядывая в глаза.

- Ты предлагаешь мне вспомнить былое? – тихо рассмеялся Филипп, - игру?

Луис ухмыльнулся. Ровный ряд белых зубов, напоминал рот хищника. Непроизвольно Филипп ощутил охвативший азарт наравне с чем-то колючим. Будто что-то внутри его груди завопило, что эти игры жестоки и не подходят господину.

- А что? Было весело! Мы всегда оказывались в выигрыше. Что нам мешает повторить?

- То, что мы уже не юны, как во времена нашей службы и побывок, Луис.

- Наивные дурочки, так и стелились, сходили с ума. Да, им казалось, что они сходят с ума. Обожаю видеть их недоумение до сих пор, но в игре эмоции будут куда ярче.

Луис замолчал, всматриваясь в лицо Филиппа, будто ожидая ответа. Тот, с прищуром молчал, ощущая терпкий вкус виски на губах.

- Ты боишься потерять уважение? – продолжил друг. Его

голос напоминал шепот змея, который умело вел свою игру. – Сколько я здесь бросал, и, как видишь, всегда сух. Здесь такие же идиотки, как и в твоём Меревиле.

Зато ты ощутить не только азарт, но и этот невероят-но-опьяняющий вкус победы. Охотник и его жертва, - рас-смеялся Луис.

Филипп хмыкнул, ощущая внутри себя тревогу вместе с острым чувством воодушевления. Оно походило на сладкий дурман, охватывало грудь, пьянило, похлеще обнаженного женского тела. Он никогда не любил, зато умел причинять боль. О последнем он старался не думать, ведь эта боль не касалась его.

Умело перехватив руку девицы, которая восседала на ко-ленях у Луиса, Филипп шустро пересадил ее к себе. Друг округлил глаза и раскатисто рассмеялся.

- Хорошо, так кто же она будет?

Луис широко улыбнулся.

- Думаю, она найдется сама. Я сам выберу, а пока развлекайся.

Филипп поднялся со стула и, влекомый девушкой, снова направился на второй этаж в приватные комнаты. Во внут-реннем бокале его чувств он ощущал скрытое злорадство, будоражащий азарт и холод. Последний всегда помогал ему в делах, азарт же давал ощущения удовлетворения, пусть и ненадолго. Злорадство помогало. Он ничего не мог сделать с ним, да и не боролся по причине того, что хлесткое оди-

ночество с детства, невероятно окунало в несправедливость мира.

Иногда Филипп думал, а было ли в нем что-то хорошее? И находил лишь один ответ. Он словно весь состоял из темноты. Темнота давала силу, власть, уверенность, но не давала покоя.

Упав на кровать в комнате, он задумчиво рассматривал, как девушка расстегивала ему рубашку, как терлась бедрами о его ноги и пленительно улыбалась. Ему хотелось забыться. Собственно, как всегда. Не чувствовать той черноты, заполонившей естество.

Девушка припала к его шее, сладострастно выдохнула, ведя пальцами по его обнаженной груди. Ее губы, коснулись его рта, издавая еле заметный стон.

Филипп снова задумался о любви. Он никогда не испытывал это чувство, относился к нему даже с отвращением. Оно приносило лишь боль.

Словно выйдя из оцепенения, молодой мужчина, ловко уложил девицу на прохладные атласные простыни, придавливая своим телом, с особым пьянящим чувством власти. Ему нравилось обладать.

Да, ему нравилась это поглощающая темнота внутри его души. Она делала его сильным.

Девушка вскрикнула под ним, закатывая глаза, так же посредственно, как и предыдущая рыжая бестия. Сладкий аромат ее благовоний вызывал головокружение, но Филипп со

вздохом, погрузился во все свои ощущения, бесконечно желая ощутить разрядку и поехать домой, чтобы предаться сну.

Глава 1

Я смотрела на портрет отца, висевший в главной гостиной нашего особняка.

Его не стало десять лет назад, когда я была еще девочкой. Темные, волнистые волосы, ярко-голубые глаза, пронизывающий взгляд, будто проникающий в само сердце. Говорили, что я смотрела также, хотя мне казалось, это все враки скупающих от безделья людей. Хотя с Марком Поли, моим отцом, мы и правда, были невероятно похожи.

Он был добр ко мне, всегда выслушивал, приносил радости и с особой теплотой гладил по шелковистым волосам.

Казалось, с его смертью, ушла и какая-то важная часть меня, та девочка с бантиками на макушке, определенно знающая, что этот человек всегда будет на моей стороне и защитит от всего мира.

Когда отца не стало, во мне что-то застыло, замерло. Возможно, моя детская непосредственность. Я желала быстрее повзрослеть, считая, что только так смогу справиться с болью потери. Несмотря на наличие старшего брата и матушки, я все равно чувствовала себя одиноко, ведь только отец так сильно меня любил и этой любви до невозможности не хватало.

- Ты слушаешь меня, Аделина?

Голос матушки вывел меня из оцепенения. Я вздохнула, вернувшись к ненавистному вышиванию, коим пичкала меня родительница, считая, что я должна владеть этим мастерством лучшим образом. Моргнув, я кивнула, возвращаясь вниманием в гостиную залу нашего особняка.

Покрытые кремовым бархатом стены, чередовались с высокими арками окон с выделкой лепнины. Светильники в медных подставках идеально гармонировали с рамами картин, коих было великое множество. Живопись мы перевезли с собой абсолютно всю, когда переезжали с юга десять лет назад. Отец был заядлым коллекционером картин, на которые тратил огромное состояние, участвуя в аукционах и выставках.

Мы сидели с матушкой возле зажжённого камина, согреваясь теплом. Поленья, не переставая, трещали, наполняя тишину звуками огня. Над камином стояли миниатюры на подставках, с изображением всех членов семьи Поли, а также пара фигурных шкатулок с саше из лаванды. Аромат трав наполнял собой гостиный зал.

- Знаю, какая ты самостоятельная, но думаю, тебе пора дать ответ Чарльзу. Молодой человек полон порядочных намерений к твоей персоне и намекал, что хочет попросить твоей руки. Уверена, он осторожно заговорил со мной на эту тему не просто так, а потому что ты не даешь ему однозначного ответа.

- Браки в зимнюю пору, плохая примета.

- Да что ты такое говоришь? – взъерепенилась женщина.

Тереза Поли, являлась полной моей противоположностью. Матушка была женщиной практичной, последовательной и серьезной. Я же, вряд ли походила под эти критерии. Возможно, серьезность во мне была, но какая-то своя. Помимо несовпадения во взглядах, с матушкой мы были совершенно не похожи. Она светловолосая, кареглазая и светложая, а я, переняла смуглость кожи отца, его темные волосы и голубые глаза. Истинная южанка! Так всегда называла меня няня, говорившая матушке, что та пуд соли со мной съест.

- Помолвка, дорогая, помолвка! – не удержалась от возгласа женщина, - Чарльз прекрасно тебе подходит. Он из хорошей семьи, воспитанный, и ты ему очень нравишься.

- Дело в том, что он не вызывает во мне никаких чувств, - взяла я слово, продолжая путать нитки на вышивке, - он кажется мне скучным.

- Не знала, что ты так любишь веселиться, - покачала головой Тереза, - тогда, найди себе циркача!

- Не знала, матушка, что вы обладаете столь тонким юмором.

Тереза снова покачала головой. Ее светлые волосы лишь слегка посеребрила седина. Женщиной она оставалась видной и молодой.

- И все же, Чарльз просто идеальный вариант! Половина Остенбурга вьется вокруг тебя, ты никому не даешь шанса.

Так и старой девой остаться можно.

Я медленно вздохнула.

- Мне хочется влюбиться. По-настоящему.

- Можно полюбить и в браке, когда ты будешь вместе с этим человеком.

Пристально посмотрев на матушку, я вздохнула.

- Вы влюбились в отца с первого взгляда, а он в вас. Так, мне рассказывали. Мой брат Эван полюбил Офелию, а она его, еще до замужества. Почему мне нельзя так же?

- Ты ищешь что-то эфемерное, надуманное. Сколько было юношей вокруг, и ни один не произвел на тебя впечатление. Ты попросту избаловалась.

Если бы был жив твой отец, уверена, ты бы давно была замужем.

Я поморщилась, считая, что батюшка меня бы поддержал. Любой мой выбор.

- Я прошу тебя быть терпимой с Чарльзом. Он действительно очень подходящая для тебя партия.

Услышав звук подъезжающего экипажа, я посмотрела в окно.

- Ах, вот и он, легок на помине! – воскликнула матушка. На лице отразилось подобие улыбки, в глазах забрезжило облегчение. Я прищурилась, медленно вздохнув.

- Не припомню, чтобы господин Эйден обещался прибыть с визитом.

Тереза пожала плечами, сделав вид, будто не она пригла-

сила его на randevу.

Через пару минут, Чарльз оказался в гостинном зале. Отложив в сторону опостылевшее вышивание, я поднялась с кресла, медленной походкой подошла к молодому человеку. Он был высоким и стройным. Тонкие пальцы плавно обняли сначала кисть моей матушки, а потом и мою, трепетно касаясь поцелуем. Бледно-голубые глаза, гармонировали со светлой кожей и блондинистыми волосами.

- Мы, как раз планировали предаться полуденному чаю, Чарльз. Не желаете ли отведать лимонного бисквита по рецептам юга? – предложила матушка.

- Не могу отказаться от столь привлекательного предложения.

- Распоряжусь, чтобы нам принесли угощение.

Матушка, шустро прошуршав подолом бледно-голубого платья в светлую полоску, оставила нас наедине.

Вздохнув, я осела на софу, слегка облокотившись на подушку, и положила руку на золоченый подлокотник, всматриваясь в Чарльза. Он был симпатичным молодым человеком, серьезным, с правильными задатками и манерами. Я смотрела на него, не убирая взгляда, продолжая думать о словах матушки и том, что ничего не чувствовала к господину Эйдену.

- Вы так смотрите, будто заглядываете в самую душу, Аделина.

Худые щеки Чарльза зарозовели. Между делом я огляде-

ла его темный костюм, золотую нить от карманных часов и фамильный перстень на левой руке.

Моих губ коснулась улыбка.

- Не хотела вас смущать.

- Нет, наоборот, ваш взгляд настолько притягателен, что я словно попадаю под особую пелену очарования.

- Мне расценивать ваши слова как комплимент?

- Безусловно, - кивнул Чарльз, продолжая ощущать смущение, вызванное моей персоной. Я улыбнулась, непроизвольно подумав, что играла с молодым человеком и ощущала особый трепет, прекрасно зная, что умела очаровывать.

В Остенбурге меня считали неприступной красавицей, сплетничали, завидовали тому, что я нравилась мужчинам, рассказывали домыслы, но продолжали с обожанием и ненавистью поглядывать в мою сторону. В этом всем я ощущала силу, особый трепет наполнял сердце. Увы, ненадолго! Я мечтала о любви, такой же, какая была у моей матушки и отца. Любви, наполненной страстью, особым зовом сердец, взглядами и притяжением. Матушка очень любила отца, а он ее, и видимо, поэтому после его кончины, она более ни за кого не вышла замуж еще раз.

Я искала что-то эфемерное, что могло и не посетить мою жизнь. Но вот передо мной сидел в меру притягательный Чарльз Эйден, которого обожала матушка и сватала мне в мужья.

- Скоро бал у Метьюсев, - продолжил молодой человек, -

я был бы счастлив, если бы мог сопроводить вас туда.

Я улыбнулась.

- Матушка желала приехать туда сама. Надеюсь, вы не обидитесь, если мы встретимся с вами там? – соврала я. Мне пока не хотелось особо приближать к себе Чарльза. Меня вполне устраивали прогулки в парках и встречи на приемах.

- Конечно, нет, - кивнул молодой человек, - надеюсь, вы подарите мне ваш первый танец.

- Как обычно, - кивнула я, - все первые танцы, которые уже были в этом сезоне, были отданы вам, Чарльз.

- А вот и чай!

В залу вошла матушка вместе с прислужницами, принесшими два подноса с угощениями. В кружках дымился горячий чай, а на фарфоровых блюдах красовались искусно испеченные куски лимонного бисквита.

- Мы только что говорили с Чарльзом о скором бале у Метьюсев, матушка.

Тереза Поли мгновенно расцвела.

- Сезон так насыщен программой, в общем, как всегда. В скором времени и мы дадим бал. Быть может, на нем тоже произойдёт какое-нибудь радостное событие.

Я прищурилась, пристально всматриваясь в матушкино выражение лица. Она откровенно нас женила с Чарльзом, чуть ли не на этой софе!

- Было бы чудесно, госпожа Поли, - согласился молодой человек, осторожно помешивая серебряной ложечкой свой

напиток. – В «Театре Весны» скоро дадут новую оперетту. Как только появятся билеты, я сразу же дам вам знать.

— Это так мило, Чарльз, - поддакнула матушка, - не правда ли, Аделина?

- Чудесно, - сдержалась я.

- Вы не желаете прогуляться в саду? Дождя нет, ветер стих, погода так и соблаговолит к прогулке, - предложила Тереза, с нажимом всматриваясь в мое лицо. Я кивнула, расплываясь в приторной улыбке.

- Матушка, давайте дадим нашему гостю насладиться рецептами юга. Где же еще Чарльз попробует настоящий южный бисквит?

Тереза манерно рассмеялась.

- Ты права, дорогая.

Казалось, молодой человек, готов был позабыть о бисквите ежесекундно, чтобы побыть со мной наедине.

- Если Аделина не против прогулки.

- Непременно, - кивнула я, - как только допью свой чай.

Мы выходили в сад никуда не торопясь. Я накинула теплый драповый плащ и надела кожаные перчатки. Поздняя осень в Остенбурге, всегда имела капризный нрав и часто показывала свой непростой характер. За ярким солнцем могли почти сразу начаться дожди, подняться ураганный ветер и через некоторое время, все попросту затихало. Снега пока не было, но это было дело времени. Скоро город покроют мокрые метели, а солнце станет редким обитателем этих

мест. Не то что на юге. Там почти всегда было тепло, но матушка, после смерти отца, решила, что так нам всем будет лучше справиться с утратой.

Сад возле особняка не отличался выдающимися размерами.

Матушка не очень любила заниматься высадкой растений, предпочитая проводить время за книгами. Они спасали ее от уныния и тоске по любимому супругу.

Дорожки, покрытые гравием, засыпала опавшая листва. Садовники, не успели собрать ее в холщевые мешки и снести в сторону городской свалки, зато колумбарии закрыли тканью, чтобы земля не померзла и в следующем году можно было посадить новые цветы.

Я провела Чарльза в сторону небольшого яблоневого сада. Летом здесь стояли особенные ароматы плодов. Мне нравилось располагаться возле этого места в беседке и лакомиться фруктами, особенно в моменты, когда к нам приезжал погостить брат с супругой. Я очень любила своего брата Эвана. Внешне он был копией матушки, но добродушием пошел в отца. Мы часто вспоминали свое детство, шалости и наш заразительный смех. Эван планировал прибыть с востока в скором времени, где проживал со своей супругой и их маленькой дочерью.

Наступив кожаными ботинками на влажную землю, я повернулась к Чарльзу, по привычке улыбнулась, смущая его в сотый раз за этот час. Молодой человек, на положенном рас-

стоянии остановился возле меня. Я видела, как он желал подойти ближе, но приличия мешали. Меня вполне устраивало его поведение, так как я не желала приближать его, продолжая пребывать в сомнении насчет своих чувств. Возможно, он мне тоже нравился, просто я этого не понимала.

- Аделина, вы самая красивая девушка Остенбурга.

Я сдержала смех и со всем почтением взглянула на молодого человека.

- Кажется, самой красивой девушкой столицы, называли другую.

- Возможно, но поверьте, это так. Я желал бы пригласить вас на чай в наш родовой особняк, если вы не против.

Напряжение коснулось моих скул. Я понимала, к чему он клонит, к официальному знакомству с родителями. Увы, это не входило в мои планы, как и то, что никаких планов у меня пока не было.

- Быть может, после сезона или ближе к его окончанию?

- Если вы так желаете, - вздохнул Чарльз, продолжая играть в господина совершенство, согласного с каждым моим сказанным словом.

Я улыбнулась, повернулась на каблуках ботинок и прошествовала по дорожке.

Ветер усиливался. По небу беспрерывно пробегали темные, низкие тучи. Я оглядела каштановое дерево, коснулась плотной дубовой коры, ощутив еле заметный запах смолы.

- Тогда мы могли бы встретиться в кофейне. Я закажу вам

ваши любимые пирожные.

Рассмеявшись, я поглядела на молодого человека.

- О, Чарльз, вы распланировали весь месяц. Бал у Метью-сев, прогулка в парке, поход в кофейню. Ах, совсем забыла про премьеру в театре!

- Просто я бы желал проводить с вами как можно больше времени.

Осмелев, Чарльз подошел ближе, взяв мою руку в свою. Я замерла, всматриваясь в его бледно-голубые глаза, подернутые светлыми ресницами.

Через кожу перчаток я ощущала тепло его рук. Даже взяв меня за руку, он продолжал держаться на положенном расстоянии. На миг я представила наш поцелуй. Каким бы он был? Осторожным, терпким, страстным, еле уловимым?

Осторожным, свойственным манерам Чарльза Эйдена.

Никогда ранее, я не целовалась. Несмотря на всю мою натуру и уверенность, никто и никогда не срывал мой поцелуй. Я словно ждала какого-то особенного часа или человека, которому я планировала его подарить.

- Вы мне нравитесь, Аделина. Очень. Прошу меня простить за эту дерзость.

В моих глазах читалось сдержанное спокойствие, губы растягивались в улыбку, но внутри я ощущала себя странно.

- Вы, Аделина, что-то чувствуете ко мне?

Сглотнув, я продолжала молчать, не зная, какой дать ответ.

- Мне кажется, вы торопитесь, Чарльз, но могу сказать, что вы трогаете мои чувства. Некоторые из них.

- Некоторые из них? – взгляд Чарльза наполнился благоговением. – Надеюсь, это что-то радостное?

- Безусловно, - согласилась я, - если бы я не питала к вам даже мимолетного влечения, мы бы не встречались. Но, прошу вас, не давите на меня.

- Конечно, - без ума от счастья, обрадовался молодой человек, прижимая мою руку к себе. – Я не посмел бы.

Губы мужчины нежно коснулись моих пальцев, наряженных в кожаные перчатки. Я дала ему возможность чуть дольше положенного касаться меня, а потом, осторожно отстранилась.

- Когда мы вновь увидимся?

Я пожала плечами.

- На балу? – мое предположение повисло в воздухе. Внезапно полил дождь, усиливающийся с каждой минутой. Холодный и противный, он коснулся моих длинных волос. Я вздрогнула и побежала к дому.

За минуту мы промокли до нитки. Я улыбнулась, а Чарльз смотрел в недоумении на полностью мокрый плащ и поправлял волосы, с которых сбегали струйки воды.

Чарльз, видно, хотел провести время у камина, чтобы обсохнуть, но я придумала, что меня ожидает урок по фортепьяно. Посему он откланялся и поспешил к ожидавшему семейному экипажу.

Пока матушка о чем-то разговаривала с Гертрудой, нашей главной управительницей и в прошлом, моей няней, я поднялась в свои покои, тихо притворив за собой дверь.

Пространство моей комнаты встретило тишиной, привычными ароматами цветочных саше и легкой прохладой. Прислужницы, видно, проветривали, чтобы впустить в пространство больше свежего воздуха, пока еще не совсем остывшего от зябких ночных температур.

Я бросила мимолетный взгляд на кровать, застеленную новым бархатным покрывалом изумрудного оттенка, оглядела вычурную лепнину на потолочных сводах и стенах, ненадолго задержала внимание на пейзаже южной долины, напомнимшей мне мой родной край. Дивные холмы в закатном солнце, поросшие цветами и мелкой травой. Тепло земли и золотисто-розовое небо, навсегда остались в памяти. Я любила рассматривать написанный пейзаж, сидя в кресле у камина, иногда воображая, что за окнами не вычурный Остенбург, а теплый Ливендорн, мой родной город, в котором я родилась.

Вздыхнув, я провела подушечками пальцев по цветам в вазе, подошла к высокому окну, наполовину занавешенному зелеными, массивными портьерами с золотой окантовкой.

Дождь притих. Капли танцевали на окнах, пока я осматривала опушку леса вдалеке и непримечательную сырую землю, от взгляда на которую, тут же становилось зябко.

На ужин матушка поехала к своей давней подруге Регине

Майерс, а я осталась дома, наслаждаться зажжённым камином в покоех и ничем не примечательной книгой. На самом деле, я больше рассматривала, как огонь лижет поленья в камине, пребывая в фантазиях и мечтах.

Моя жизнь в Остенбурге была такой же, как у всех. Почти.

Наша семья была вхожа в высший свет, благодаря состоянию, который оставил отец, и брату Эвану, умеющему достойно управлять финансовым делом. Я посещала балы, наслаждалась прогулками, ездила в недолгие путешествия с семьей, вся было слажено и понятно. Иногда мне все это казалось скукой, иногда, я считала, что жизнь прекрасна и у меня все есть, в отличие от других людей. Но, что-то все время не хватало, словно чего-то важного. Возможно, я попросту фантазировала о чем-то несуществующем.

- Снова в мечтах?

Голос Гертруды, мягкий и душевный, раздался за моей спиной. Странно, я так задумалась, что даже не услышала ее прихода. В руках женщина держала поднос, на котором стояла фарфоровая кружка с молоком, а в пиале красовался мед. Невольно я улыбнулась. Эта женщина всегда давала мне особое ощущение заботы. С самого детства она растила меня, играла, поддерживала. Спустя долгие годы, няня стала родной, и порой мне становилось грустно от того, как быстро летело время, а Гертруда, хоть и не сгибалась под прожитыми годами, но все равно старела.

Она была высокой, статной женщиной, с добрыми карими

глазами, миловидной улыбкой и еле заметными ямочками на щеках. Она носила строгую прическу. Каштановые волосы с двумя полностью седыми прядями, забирала в тугий пучок, предпочитала темные платья, делающие ее вид строгой. Гертруда такой и была, но только не со мной. Конечно, у меня была матушка и никто не мог ее заменить, но няня добавляла заботы.

- Я просто вспоминала Ливендорн. Там сейчас тепло.

Женщина осела в кресле рядом, пока я тянулась за кружечкой с молоком. Тепло напитка мгновенно добавило спокойствия.

- А я думала, ты вздыхаешь о господине Эйдене.

- Мне не очень нравится, как звучит Аделина Эйден, - вздохнула я наигранно.

Левая бровь Гертруды взметнулась вверх.

- Супруг выбирается по фамилии? А я думала, ты делаешь свой выбор по сердцу, дорогая.

Из моего горла вырвался долгий выдох. Я сама не знала, что я ищу. Возможно, мне попросту нравилось быть одной. В одиночестве были и свои прелести.

- Чарльз, он хороший человек, - пожала я плечами, сделав еще один глоток теплого напитка, - мне так кажется.

- Но? – протянула Гертруда, - в твоих словах так и таится некое разочарование.

Бросив беглый взгляд на нянюшку, я покачала головой.

- Я ощущаю к нему спокойствие. Наверно, так правильно

и, должно быть, но я пока не готова к замужеству. Мне не хочется этого, ни с Чарльзом, ни с кем-то другим.

Гертруда понимающе кивнула.

- Могу предположить, что твое непонимание обусловлено тем, что ты еще не ощутила особый вкус любви. Если бы ты почувствовала его, то всякие сомнения отпали.

Размешав мед в чашке, я с прищуром посмотрела на женщину.

- Ты говоришь, словно знаешь, нянюшка. Когда же ты успела полюбить?

Щеки женщины вмиг зарделись. Невольно на ее губах появилась улыбка.

- Когда-то очень давно, кажется, это было в другой жизни. Он был подмастерья, а я наивная девица. Увы, история закончилась ничем. Его забрали на службу, а мне пришлось уехать на юг, где я работала долгое время у одних господ, пока не попала к вам. Когда ты родилась, мое сердце наполнилось особой любовью. Эта любовь заменила мне все. Уверена, что когда у тебя родится дочь, ты поймешь, что любовь к детям бесценна и не сравнится ни с какой другой.

- Я думала, что ты расскажешь мне душещипательную историю любви, - протянула я, откидываясь в кресло.

- Уже нет, но надеюсь, что когда ты встретишь того самого, то ты мне расскажешь о ней. Только не выбери себе пройдоху или игрока в карты, который все проиграет, умоляю!

Я рассмеялась.

- Матушка не даст такому свершиться, - покачала я головой, отставляя кружечку на поднос, сверкающий серебром в сполохах огня от камина.

- Тебя когда-нибудь останавливала матушка, если ты что-то желала, дорогая? – подмигнула мне женщина, - ах, Аделина, ты очень красива, я молюсь каждый день, чтобы ты обрела свое счастье с самым лучшим человеком на всем белом свете.

Мои глаза невольно наполнились слезами. Я обняла женщину, ощущая такое родное и знакомое тепло. Почему-то, когда я припадала к груди Гертруды, словно оказывалась на юге, где мне было десять лет и еще был жив отец. Тогда все было иначе, тогда из моих окон открывался вид на холмы и росшие там виноградники.

Рано утром, я выбралась из дома почти на рассвете. Дождь неторопливо моросил, еще больше наполняя землю влагой и лужами. Накинув черный кожаный плащ и надев длинные сапоги, я вышла к конюшням, пока особняк еще спал.

Мы жили на окраине города, недалеко от лесной опушки, пробегающей реки и полей. Центр города находился от особняка в часе пути. Матушка приобрела этот дом, как только мы переехали с юга. Очаровательный трехэтажный особняк, с изысканными интерьерами, уютными гостиными и спальнями, сразу же нами полюбился. Здесь было уютно, тепло, а с покоев открывались чудесные виды на природу. Нам с матушкой нравилось в летнюю пору наслаждаться полуденным

чаем на открытой террасе. С нее открывалась чудесная панорама на въездную аллею и старинные дубы.

В конюшнях содержались наши лошади. Я обожала этих животных. Особенно Герцога. Его, еще пони, мне подарил отец. Сейчас же красавец-конь, восточной породы черного, как вороного крыло цвета, восхищал собой ценителей лошадей.

Герцог был как друг. У нас была особая связь. Конь ощущал мои настроения, и когда я скакала по полям, мы словно сливались в единое целое.

Я с трепетом и наслаждением вывела животное из стойла, накинула и закрепила седло и ловко запрыгнула на спину Герцога, ощущая, как животное довольно заржало подо мной. Я не каталась как девчонка, предпочитала полную свободу, носила костюм для верховой езды или специальные удобные легинсы черного цвета.

Кожаные перчатки коснулись поводьев, я вздохнула и с наслаждением перешла на трусцу.

Мы выехали за пределы особняка, минуя кованые ворота. Дождь продолжал накрапывать, посему я натянула капюшон почти на все лицо, чтобы брызги дождя не летели в глаза. Знакомые дубы молчаливо проводили меня своим строгим безмолвием.

Проскакав аллею, я ударила по шпорам коня, направляя разгорячившееся животное в сторону леса, а когда шустро пробежали его, перепрыгивая через ухабы и торчащие кор-

ни деревьев, выбежали вдоль быстрой реки, шум от которой разносился во все стороны. Герцог пробежал по каменному мосту, соединяющему два берега, и во всю прыть бросился в сторону полей. Капюшон слетел с головы, и мелкий дождь окропил мое лицо и волосы, мгновенно разметавшиеся в разные стороны.

Мы неслись навстречу ветру. Герцог чувствовал мой взбудораженный, восхищенный настрой, разгоняясь еще быстрее. Ветер, дождь, низко-бегущие тучи, буквально все, слилось воедино и в этом было столько наслаждения и свободы, столько жизни, страсти, безграничной радости.

Я рассмеялась, ощущая азарт.

По привычке я направила Герцога в сторону узкого русла реки, чтобы его перемахнуть. Ударив поводьями по массивной спине разгоряченного животного, я с жаром, устремила к препятствию на нашем пути и разом оказалась на другой стороне, ощутив в мгновение полет в воздухе.

Внезапно Герцог заржал и, остановившись, поднялся на задние ноги. Я ахнула, схватилась за поводья и расширила глаза, увидев, как прямо перед нами зависли копыта другой лошади. Казалось, в этом моменте замерло все. Лошади, я, наездник. Испуг застрял в моем горле. Я закусила язык, немного придя в себя, после того как Герцог встал на четыре ноги и другая лошадь тоже. Такая же черная, статная, мощная.

Порыв ветра ударил в грудь, разметав волосы и полы

длинного плаща. Я посмотрела на наездника, щуря взгляд от дождя.

- Вас не учили осторожности? – не удержалась я от вызова, сверкнула взглядом, впившись им в лицо молодого мужчины с темными волосами и пронзительными зелеными глазами. На миг мне показалось, что недовольство наездника пробьет насквозь мое сердце.

- Меня? – усмехнулся он, видно, сразу посчитав меня идиоткой, но пристального взгляда не убрал, — это вы неслись как ненормальная. Хотели убить и меня за собой утащить?

Я фыркнула, почти как Герцог.

- Да кому вы нужны? Сами бросились под копыта и теперь обвиняете, - усмешка посетила мое лицо. Я не планировала показывать, как я перепугалась от неожиданности. Возмущение меня успокаивало.

- Я бросился? – левая бровь мужчины взметнулась вверх, - кажется, вы что-то перепутали, дамочка.

- Дамочка? – округлила я глаза, - да вы в своем уме, друг сердечный? Вы не на блошином рынке, чтобы так общаться.

Молодой человек усмехнулся. В его зеленых, магнетически-ярких глазах пробежала ухмылка, наравне с неуместным весельем.

- Мы в лесу, где вы меня чуть не раздавили.

Я оглядела коня вместе с наездником снизу вверх, держа поводья Герцога в своих руках.

- Не раздавила бы, не прибедняйтесь. Вы знаете, что ваш

конь не так-то прост, чтобы быть раздавленным.

- Разбираетесь в породах?

- Не ваше дело! – бросила я, - в любом случае будьте осторожны, дороги скользкие, мало ли, вдруг какая-нибудь дамочка вас перепугает, и вы свалитесь в лужу.

- Забавно! – наигранно фыркнул нерадивый собеседник. Прищулив взор, он пристально всмотрелся в меня. Я тоже сдержала взгляд, вдруг ощутив в груди странное чувство перемешку с раздражением.

- Прощайте! – бросила я и, ударив по бокам Герцога, направила животное в сторону леса. Как назло, дождь стал усиливаться. Я нервно закусил губу, пытаюсь справиться с испугом. Да, я действительно не ожидала, что какой-то умник бросится под копыта. Умник, которого я никогда ранее здесь не видела. Да я и не могла знать всех в Остенбурге.

- Черноволосый идиот, - выругалась я, ощущая злость.

Подъезжая к знакомой аллее, я немного пришла в себя и потом, почти успокоилась, когда полностью помыла и привела в порядок Герцога.

Усадьба встречала осенним безмолвием и знакомыми стенами. Я вошла в дом, но почему-то оглянулась, всматриваясь на въездную дорожку. Будто ждала, что незнакомец в черном будет преследовать меня до самых ворот. Скинув забвение, я поторопилась к себе в комнаты, ощущая странное ощущение.

Глава 2

Ресторация на главной площади города, являлась одной из самых популярных мест столицы. Расположившаяся недалеко от монументального собора, уютного сквера и театра, она радовала неплохим выбором блюд и изысканным интерьером, без намека на надоевшую позолоту и лепнину, которая наполняла собой каждый дом.

Филипп аккуратно отрезал кусочек мяса, отправляя его в рот, и деликатно запил недурственное блюдо глотком красного густого вина, в меру сладкого и утонченного.

Возле него сидел его друг Луис и некий Патрик Нелл, с которым его накануне познакомили. Патрик казался Филиппу добродушным, немного наивным молодым человеком, отличающимся хорошо подвешенным языком и добродушным лицом. Он умел очаровывать. В этом Филипп убедился, так как две девицы, делившие с ними трапезу, млели от комплиментов и вполне себе здравых суждений.

Луис пригласил их всех на трапезу, дабы хорошо провести время, а Филиппу постепенно влиться в местный бомонд. Хотя девицы, не отличались особым умом или красотой, да и статусом, казалось, не особо притягивали.

Невольно Филипп подумал о посредственности и ненадолго отвел взгляд в сторону окна, где на площади стайки го-

лубей практически дрались за насыпанное на брусчатке пшено. Он вздохнул, вдруг вернувшись в утреннее событие, случившиеся с ним на окраине города, где он выгуливал своего Беса, прекрасного вороного моравского коня, которым невероятно дорожил и ценил.

Девушка, встретившаяся на его пути, так ловко перемахнула через реку, что он опешил и сказался удивленным, не меньше, чем она, увидев копыта его жеребца. Филипп отметил ее смуглую кожу, яркие голубые глаза и вздорный нрав. От него не укрылось, что она испугалась, но не подала виду.

Надменная, — вдруг подумал он и усмехнулся. По крайней мере, его порадовало уже то, что Остенбург не наводнили клуши, за которыми ходили мамыши, оберегая их целомудрие как что-то особо ценное.

- Смотрю, ты задумчив, милый друг, - прошептал ему на ухо Луис, пока Патрик заливался соловьем, смеша девиц. Те хихикали, стараясь держать свои эмоции при себе, но в возбуждении от общения, это плохо получалось.

- Наслаждаюсь стейком с кровью, - ответил Филипп, бросив взгляд на девушек.

- Если ты думаешь, что я выбрал кого-то из них для игры, ты торопишь события.

Полная лукавства улыбка Луиса, полоснула его красивый рот.

Игра?

Ах да, Филипп совсем забыл про их согласие устроить

очередное азартное путешествие в мир бури эмоций и боли. Честно говоря, Бартон забыл думать об этом, уносясь мыслями во введение дел из Остенбурга. Его, куда больше заботило то, как умело осесть в столице и расширить капитал на дополнительных контрактах и сделках.

- Господин Бартон, как вам столица? – поинтересовалась одна из девушек, темноволосая Маргарита Вертон. Ее, полный наивности взгляд, был устремлен на его лицо, немного смущаясь.

- Город, полон изящества и красивых дам, безусловно, - улыбка озарила лицо мужчины, - монументальные здания, роскошные парки, невероятно вдохновляют.

- Вы еще не были в садах Перфионы, - поддакнула Луиза Мюррей, - там великолепно, особенно в летний сезон.

- Верю вам на слово, - согласился Филипп, - с вашей компанией, сады покажутся мне еще прекраснее.

Девушки переглянулись, немного смущаясь и покрываясь румянцем.

«Дурочки», - подумал Бартон вздыхая. Наверно, он и правда пресытился всем, чем только можно. Жизнь непроизвольно казалась скучной и пустой, хотя он обладал самыми лучшими вещами, деньгами, усадьбой, купленной в шикарном месте, недалеко от столицы. Правда, говорили, что это место было проклято, но Филипп не верил в эти глупости. Люди любили выдумывать сказки, а потом пугать других и пугаться сами.

- Быть может, прогуляемся? – предложила Маргарита, - солнце нас сегодня балует своим присутствием. Как жаль, что оно так редко в этот период времени.

- Хорошая идея! – поддакнул Патрик, с чем не особо был согласен Филипп. Эти девицы его успели утомить, а тут еще и прогулка!

- Как можно отказать таким обворожительным господам? – подмигнул Луис, - как только допьем вино, так сразу же продолжим наше упоительное общение на улице.

Девушки покрылись еще бóльшим румянцем. Филипп тихо вздохнул, но промолчал, выдавливая из себя улыбку.

- Господин Бартон, мне что-то подсказывает, вы не хотите радоваться солнцу, как того желаем мы? – игриво надула губы Луиза. Филипп вдруг подумал, что никогда не любил глупых девиц.

- Вам показалась, госпожа Мюррей. Мне доставит большое удовольствие, если именно вы покажете мне особые уголки Остенбурга.

«Особые уголки», — выделил Бартон, смущая девушку.

- Говорят, вы купили усадьбу на окраине города, - влезла в разговор Маргарита, - господин Вилбор, почему же вы не сказали, как местный, своему другу, что о том месте говорят всякие-разные истории?

Луис хмыкнул, а Филиппа стала раздражать вся эта бес-толковая встреча.

- Поверьте, это все вздор и глупости! – взял слово Луис, -

мало ли что произошло там несколько лет назад? Тем более, не в самой усадьбе, а за ее пределами?

- И все равно, сами знаете, какие ходили слухи о хозяине, - добавила Луиза, побледнев, - говорят, он был извергом, издевался. Вдруг это место так повлияло на него?

- Вы боитесь, что Филипп сойдет с ума? – наигранно напустил жути Вилбор, покосившись на Бартона. Тот молчал, желая уже пойти гулять, а не обсуждать бестолковые сплетни, которые щекотали нервы вот таким вот глупышкам, как эти.

Филипп провел в усадьбе уже более десяти дней. Там все было тихо, правда, немного уныло и пусто, но это никогда не смущало молодого мужчину. Наоборот, он наслаждался простором залов и анфиладой коридоров.

- Конечно, я переживаю за господина Бартона! – бросила особым взглядом на Филиппа Луиза. Тот деланно улыбнулся, махом допив вино и кинув салфеткой на стол.

- Не стоит, со мной все будет хорошо. Остенбург, старинный город, если задуматься, здесь каждое здание хранит свои, особенные тайны. Не так ли, мой милый друг? – подмигнул Филипп Луису.

Тот не успел ответить, как слово выхватил Патрик.

- Например, сквер с печальным поэтом, - высказался он, - говорят, под памятником схоронен череп девицы, убитой таинственной тенью. Или, например, пустошь Вердлока, где до сих пор видны остатки замка черного лорда. Бывали там?

Я слышал, там полно привидений.

- Ну, полно! – перебил его Филипп, - Патрик, ты сейчас до смерти напугаешь прекрасных леди, мы же не хотим приводить их в чувства нюхательными солями.

Патрик смущенно прикусил язык.

Вся честная компания разом поднялась, стоило Бартону сделать вид, что он готов на выход. Луис лениво подхватил пиджак, надевая его на широкие плечи, и шустро накинул теплый плащ, помогая Маргарите справиться с накидкой.

Погода, и правда радовала. Солнечные лучи, пусть и не согревали, но дарили хоть какое-то ощущение заботы и тепла. У Филиппа даже поднялось настроение. Он почувствовал себя более наполненным жизнью, нежели в моменты поедания стейка вместе с девушками.

Луиза плелась рядом с ним, сложив кисти рук в голубых кожаных перчатках возле себя. Компания минула центральную площадь, пока не попала на ежегодную открытую ярмарку, где продавалась всякая утварь, различная ерунда и устраивались увеселения. В одном из шатров рукоплескало небольшое представление с гимнастами, в другом в специальных клетках сидели уродливые люди, типа женщины с бородой, сиамские близнецы и человек змея, с длинными конечностями.

Филиппа невольно передернуло, зато девицы бледнели, но продолжали пребывать в восторге. Луиза вцепилась в его локоть и не отпускала, иногда прижимаясь всем телом. Бартон

молчал, находясь в своем любимом состоянии, в задумчивости. Когда его не интересовали оппоненты, он не старался тратить на них, просто вежливо улыбался и держался в меру отстраненно.

Минуя павильоны с обезьянами, Маргарита вдруг увидела шатер гадалки. Потянула туда всех остальных.

Патрик звучно смеялся, предлагая девицам узнать свою судьбу. Те смущенно переглядывались, боялись, пока Филипп вдруг не ощутил полное раздражение, хотел уйти, но вдруг Луис своей магнетической ухмылкой, не предложил Бартону вкушать прелести предсказаний.

- Я не верю во всю эту чушь, - отмахнулся он, - почему бы тебе самому не пойти?

- Уже бывал, милый друг, - тихо рассмеялся Луис. Голубые глаза смотрели пронзительно и настойчиво. – Давай ты.

- И правда, - затрепетали девушки, - вы самый смелый из нас, господин Бартон.

- Действительно, - поддакнул Вилбор, в мгновение ока открывая длинные занавеси крытого павильона. – Что ты теряешь?

Филипп демонстративно пожал плечами, рассчитывая быстрее разделаться со всей этой историей, и зашел в пространство темноты, где стоял запах, режущих нос благовоений.

Пройдя по короткому коридору, Бартон оказался в небольшом круглом пространстве, где за столом сидела жен-

щина с длинными черными волосами. Ее взгляд мгновенно проник в Филиппа. Она внимательно осмотрела его внешний вид. Мужчина тихо хмыкнул, понимая, что та оценивает дурака, кто забрел к ней в павильон, чтобы хорошенько развести на монеты.

Филипп уверенно сел напротив нее, закинув ногу на ногу. Гадалка, у которой все руки были обвешаны браслетами, улыбнулась, как показалось сдержанно и немного иронично. Он оглядел стол, покрытый фиолетовой бархатной скатертью, на котором стояли различные магические атрибуты, в глубокой пепельнице дымилась сигарета, сизый дым плавно поднимался под самый купол круглого павильона.

- Зачем пришел? – не особо гостеприимно произнесла гадалка, продолжая уверенно рассматривать гостя. Филипп прищурился, повел бровью, немного надменно вздыхая.

- Узнать будущее, как все.

Его голос отдавал спокойствием и равнодушием. Только у слепца не закралось бы сомнение, что мужчина попросту не верил во всю эту чушь с гаданием.

Гадалка прищурилась. Взгляд черных, как беззвездная ночь глаз, скользнул по дорогому фамильному перстню с кроваво-красным рубином. Накрашенные красным губы, слегка дернулись, и женщина взяла в руки старые, замусоленные от времени карты.

- Так значит, судьба, - произнесла женщина, тасуя колоду.
– Будущее, о котором ты хочешь знать, уже заложено.

Филипп повел бровью, не понимая, что несет эта сумасшедшая.

Та шустро вытянула из колоды несколько карт и разложила их перед лицом мужчины. Перевернув лицевой стороной, гадалка внимательно всмотрелась в изображения, где перед Филиппом предстали картины мечей, падающего мужчины с башни, дьявола воплоти, девы и что-то еще, что не удалось нормально рассмотреть. Колода, и вправду, прошла огонь и воду, была до невозможности старой.

- Не играй с огнем, огонь может сжечь, а ты и сам не поймешь как.

Женщина прищурилась, пока Филипп с нарастающим раздражением чуть не закатил глаза. Все эти фразочки напоминали стандартную пугалку для впечатлительных особ.

- Приехал в город за новой жизнью, значит, - продолжила она, водя пальцами с длинными крашеными ногтями по изображениям, - новую жизнь можно начать, если не играть с огнем, а так только загубишь все. Себя загубишь, других погубишь.

Филипп замер. Чокнутая, как-то умудрилась понять, что он прибыл из другого места. Возможно, акцент? Или типаж его выдал? Да, скорее всего!

- Рядом с тобой дьявол, ты его не видишь, другую личину он тебе показывает, а ты и веришь. Думаешь, что я бред несу, пусть, но запомни одно, игра – твоя погибель. Играя, можно заиграться и потерять себя. У тебя есть шанс найти то, что

давно ищешь, так слушай свое сердце. Оно не соврет. Я все сказала, позолоти руку доброй женщине, а я, быть может, помолюсь за твой разум в соборе.

Филипп моргнул, пытаясь выстроить в единое целое все сказанные слова, бросил золотую монету женщине и со вздохом, удалился.

Слово "игра", продолжало теревить затылок, пока на него не налетели новые друзья. Маргарита с Луизой наперебой расспрашивали о предсказании.

Бартон отмахнулся, сказав, что все это ерунда. Луис же улыбался. Как обычно, своей особенной, словно поглощающей улыбкой.

Перед тем как распрощаться, друг напомнил о скором предстоящем бале, дополнив свое напоминание тем, что там может быть та, с кем Филиппу предстоит войти в азарт.

В городском дилижансе, сидя на вполне себе удобной кожаной лавке, Бартон невольно возвращался к словам предсказательницы.

Играя, можно заиграться. И потерять себя.

- Идиотка, - высказался в сердцах Филипп, - просто бред.

Филипп, и так не блистал хорошим настроением, а после гадалки, так оно вообще скатилось к нулю. Он даже подумал навестить гурий из публичного дома, но передумал. У него в голову закралась мысль найти себе кого поприличнее на постоянную основу, но Бартон отмахнулся от этой идеи. Он снова ощутил липкую темноту внутри, словно по-

едающую изнутри. Знакомую, согревающую и одновременно, ненавистную.

Ненароком он вспомнил про наездницу в лесу, ее прожигающий голубизной взгляд, отмахнулся от воспоминания и уставился в окно. Солнце, и вправду было сегодня особенным, но никак не трогало струны давно поломанной души Филиппа.

Наконец, солнце посетило Остенбург.

Регина Никс, моя лучшая и по сути, единственная настоящая подруга, составила мне компанию, насладиться Садами Перфионы. Это место славилось невероятно красивыми фонтанами, каскадом спускающимся вниз. Скульптуры Галатеи наполняли почти всю главную аллею. Аккуратные, расчищенные от жухлой листвы поляны, идеально вписывались в общую картину, где недалеко расположилось множество изысканных беседок, покрашенных в белый цвет.

Голубое небо, с низкими, белыми облаками, радовало глаз. Я чувствовала воодушевление. Мое настроение было прекрасным. Я наслаждалась жизнью.

- Как там твой принц? – протянула Регина, покрепче хватая меня под локоть.

С подругой мы были почти одного роста. Ее светлые, чуть в рыжину локоны, играли налетом золота на солнце. Шляпка

из белого кашемира с вуалью, идеально вписывалась в тон платья и красивой накидки с пушистым меховым воротником. Регина была со мной одного возраста, миловидна, в меру симпатична. Она являлась коренной жительницей столицы, посему ее кожа казалась бледной по сравнению с моей, янтарный оттенок глаз завораживал, как и утонченный, прямой нос и худые, ярко-очерченные скулы с еле заметным налетом веснушек. Подруга обладала сильным и хватким характером, была упорна и настойчива. Прекрасно играла на фортепьяно и умело вышивала нитью.

Мы сошлись несколько лет назад и так и не смогли друг от друга оторваться, во всем поддерживая и помогая друг другу. Правда, у Регины с недавних пор появился постоянный ухажер Сэмюель Рендольф, с которым была недавно назначена помолвка. Сэмюель мне симпатизировал. Они очень подходили друг другу, и я видела, как Регина была влюблена в молодого человека, как и он в нее. К сожалению или к радости, чувство любви не посещало меня, и меня стало брать сомнение, что вообще когда-то посетит. Иногда я так хотела по-настоящему влюбиться, так хотела познать это чувство, что, казалось, сходила с ума. Увы, все те, кто желал меня, не трогали душу.

Я вздохнула, подставив лицо солнцу.

- Никак, - протянула я, - умирает от любви, желает пригласить к себе домой на официальное randevu со своими родителями, а я, отнекиваюсь как всегда.

- Он хороший человек, Аделя, - разумно подытожила Регина, - действительно, хороший.

- Если бы этого было достаточно, просто быть хорошим.

Мы свернули в сторону живой изгороди, чтобы выйти к статуе Нерона Искусителя. Красивая, мраморная скульптура величаво рассматривала зевак пустым взглядом.

- А кого же ты желаешь? Нерона Искусителя? – прыснула со смеху Регина, - лучше тишина и спокойствие, ведущие к идиллии, чем безудержная страсть. Вспомни историю про вот этого Нерона.

- Да зачем мне нужен этот каменный идол? – фыркнула я, — вот ты влюблена в Сэмюеля, он в тебя. Я тоже желаю такого. Да, бесспорно, мне симпатизирует Чарльз. Им можно даже залюбоваться.

- Разве это плохо? – покачала головой девушка, - ты сама не подпускаешь его. Уверена, он готов подарить тебе весь мир, ты не заметишь, как потеплеешь и льды твоего сердца растают.

- Мое сердце не во льдах, просто оно ждет чего-то особенного, - улыбнулась я, - а пока я в поиске. Разве это плохо быть такой желанной большинством?

Регина захихикала.

- Неплохо, это льстит, безусловно, только толку-то от них от всех.

- Мимолетное удовольствие, - согласилась я, - кстати, скоро бал у Метьюсев, думаю, мы чудесно проведем время.

Регина согласно кивнула.

- По крайней мере, у них достойное шампанское. В прошлый раз были хрустящие крабовые канапе, надеюсь, будут снова. Я мечтала о них целый год.

Мы обе рассмеялись.

- Синее бархатное платье, какое же оно красивое! – воскликнула я, - уверена, тебе оно тоже понравится.

- Я буду в красках осени. Мы с матушкой выбрали в этом году блестящее. Рубины моей бабушки составят чудесный альянс.

- Ты всегда выглядишь восхитительно, дорогая.

Осев на лавочку, я подтолкнула под себя плащ, чтобы не мерзнуть.

Вдохнув осенний, прохладный воздух, я подставила лицо солнцу. Лучи не грели, но давали наслаждение. Порыв ветра разбудил кроны деревьев. Рядом затрепыхался наполовину засохший плющ.

- И все же, Аделина, ты слишком мечтательна. Иногда нужно спускаться с небес на землю и смотреть в рациональном ключе.

- Разве может быть рациональность в чувствах? Если в омут, то с головой.

Все влюбляются, а мне все твердят о рациональности.

- Порой я волнуюсь за тебя, - покачала головой Регина, - мне кажется, что ты можешь перепутать это чувство из-за своих фантазий. Прошу, не обижайся, я просто желаю тебе

добра.

- Я знаю, - я посмотрела на девушку с улыбкой, похлопав ее по рукам, - пойдем, здесь, кажется, еще прохладнее.

Мы распрощались с подругой после того, как заехали в ресторанцию на небольшой перекус. В сезонный период в заведениях негде яблоку было упасть. После непродолжительных посиделок мы с Региной распрощались. Я вернулась домой, обрадованная новостью, что брат должен был скоро прибыть, а пока мне предстояло готовиться к скорому балу, совершенствоваться на уроках фортепьяно и решать с матушкой насчет приема в нашем особняке. Тереза Поли переживала из-за оттенков оформления, тонкости фарфора и красоте бокалов так сильно, что у матушки начинались мигрени. Так проходили дни, пока не наступил день бала, к которому мы начали готовиться с самого утра.

День, к сожалению, выдался безрадостный. Тучи полностью закрыли тугим, серо-черным покрывалом небо, а ветер продолжал бесчинствовать, будоража кроны деревьев и воя в щелях особняка, как голодный волк.

Почти во всех главных помещениях особняка, зажгли камины. Я куталась в теплую шаль, рассматривая, лежащий на трюмо фамильный гарнитур из сапфиров. Крупные камни, в обрамлении мелкой россыпи бриллиантов, восхищали.

Южные земли всегда славились своими рудниками алмазов. В свое время отец владел ювелирным делом, пополняя нашу семью не только хорошим достатком, но и роскошны-

ми украшениями, по праву, достойными носки самих королей.

У матушки хранилось невероятной красоты кольцо из золота в особом исполнении. Украшение казалось воздушным, но красный рубин, пленил взгляды еще больше. Это было дарение отца. Тереза любила надевать сие великолепие пару раз в год, когда наша семья давала бал, и на годовщину смерти родителя. Рассматривая свой гарнитур, я вдруг задумалась о том, какой выбор сделает сегодня матушка. Обычно она предпочитала бриллианты, прекрасно подходившие к ее бледному оттенку кожи.

- Госпожа, вас пора собирать!

В мои покои вошла Лиззи, моя прислужница, юная, гуттаперчевая девица, с большими зелеными глазами и милым личиком. Всегда аккуратная и сдержанная, она напоминала фарфоровую куклу балерину, крутящуюся на подставке. Ее действия были слаженными и плавными, пока она подготавливала все необходимое для укладки и макияжа.

Я же, по привычке, рассматривала свой силуэт в зеркале, думая о том, что Чарльз Эйден будет крутиться возле меня весь вечер, не отходя ни на шаг, как бы заявляя о своих серьезных планах. Конечно, в нашу сторону будут осторожно поглядывать и обсуждать.

Через некоторое время, справившись с прической и лицом, Лиззи направилась в гардеробную за подготовленным платьем. Синий, тяжелый бархат изысканно переливался в

свете настенных позолоченных бра. Кружевная отделка декольте с мелкими камнями завораживала.

Темный оттенок синего, мне, определенно, шел, подчеркивая смуглый тон кожи и длинную шею. Прическа с немного небрежно забранными локонами, открывала скулы. Яркие голубые глаза, обворожительно сверкали на фоне длинных черных ресниц.

- Какой гарнитур! – восхитилась Лиззи, подавая мне футляр с колье, серьгами и браслетом. И действительно! Украшения словно добавили особого великолепия.

Из зеркальной глади на меня смотрела молодая, притягательная девушка, точно знающая себе цену!

Мы встретились с матушкой в холле особняка. Тереза от меня не отставала в изумрудно-зеленом атласе и бриллиантах, женщина казалась невероятно очаровательной. Никто бы не подумал, что в глубине своей души, она продолжала тосковать об отце, не в силах смириться с утратой.

Каждая из нас, по-своему скучал по нему, но жизнь продолжалась.

- Очень броское декольте, Аделина! Портниха впала в безумие, пошив такое? – не удержалась матушка от возмущения, когда мы сели в наш фамильный экипаж. Внутри пахло деревом и кожей, а тепло от встроенных обогревающих панелей, не давало возможности замерзнуть, кутаясь в праздничные, атласные накидки. – Тебе придется весь вечер прятаться за веером.

- Я не планировала это делать, - пожала я плечами, улыбаясь, - вполне себе, пристойно. Зачем прятать красоту, когда можно ее попросту показать?

Матушка покачала головой.

— Это я не отследила сей пошив. Уверена, он покажется вульгарным, подумают, что ты специально выставляешь себя напоказ.

- Вы снова все преувеличили. Наоборот, платье красиво и подчеркивает достоинства, матушка. Вы зря переживаете.

- И все же, Аделина, ты знаешь, как суровы законы общества, нам не нужны лишние разговоры, тем более, ты уже давно вошла в пору скорого замужества, так что, любой наш промах, может испортить всю репутацию.

Закатив глаза, я промолчала. Иногда матушка выводила из себя контролем и тревогой за все и вся.

Мы прибыли к особняку Метьюсев, немного потолкавшись в заторе из других экипажей.

Монументальное здание притягивало взгляд своими масштабами.

На удивление, небо расчистилось, восхищая шелковым темным полотном, с множеством мелких звезд, где как королева вечера, застыла огромная, почти мистическая луна.

Ее холодный свет переплетался с яркими огнями особняка. Почти из-за всех окон первого этажа изливалось золото от ярких люстр и настенных бра. Я мгновенно ощутила возбуждение, оглядела каменные статуи на входе, в виде вы-

прыгивающих из воды огромных рыб и перевела внимание на лестницу, похожую на ангела, раскинувшего свои необъятные крылья в разные стороны.

Метьюсы, являлись одними из самых богатых представителей Остенбурга данного времени. Несколько лет назад, такую верхушку занимала другая семья. Сейчас же, Метьюсы были наверху и общаться с ними, было невероятно привлекательно.

Мне вдруг показалось, что их особняк мог переплюнуть замок короля Анарии, так он был изыскан и очарователен, благодаря роскошным башням и мерцающему в лунном свете пику.

Пару раз мне довелось здесь бывать, и каждый раз, фасад и внутренне убранство восхищало.

Отдав приглашение, мы с матушкой оказались в плену особого волшебства.

Высокий потолок холла переплетался с колоннами и мрамором лестниц. Хрустальная люстра горела ярче самого солнца, а на потолке улыбались ангелы из лепнины, словно выглядывая из облаков.

Подавальщики, почти бесшумно предлагали только что вошедшим, угоститься пузырящимся игристым, а потом уже, поздороваться с хозяевами.

Мы с матушкой успели пригубить напитки, кивком поздороваться со знакомыми, а потом уже подошли к главному семейству, устраивавшему сие великолепие в Остенбурге, на

которое желал попасть каждый.

Семья Метьюс была не особо многочисленной. Лев Метьюс, глава семьи в сединах, всегда казался мне мужчиной строгих правил. Его кустистые брови были почти всегда хмурыми, а рот сжат, будто он только и делал, что сдерживал желание хорошо проораться на всех окружающих.

Его супруга Елизавета всегда представляла передо мной с наклеенной на рот улыбкой, но глаза непроизвольно выдавали холодную отстраненность. Женщиной она была красивой и манерной, до кончиков аккуратных ногтей.

Их сын Марк, слаженный и очень видный молодой человек, выглядел как оплот сдержанности и приличия, хотя и был очень даже симпатичным. Уж не знаю, кого ему искали в жены, но он до сих пор был один. Видимо, Елизавета Метьюс отбирала кандидатов с помощью лупы и какого-то специального списка качеств. Кстати, на меня эта семья никак не смотрела, видно, я не попадала ни в одно качество, но, конечно, они всегда были очень любезны с моей матушкой, считая ее дамой благородной и воспитанной.

Мы обменялись любезностями на входе в главный зал для танцев, где уже вовсю играла музыка, но мероприятие пока официально не открыли, зато обещали уже с порога красивый фейерверк.

Мы с Марком попросту улыбнулись друг другу, так как уже заранее понимали, что ни я, ни он, друг от друга не в восторге. Он казался отстраненным, а я ему, видимо, слиш-

ком горделивой и не похожей на его изысканную маман Елизавету.

Наконец, соблюдая все приличия приветствий, я оказалась в зале, а матушку перехватила ее подруга Эмилия Розе. Все-таки я не удержала восторженный вздох.

Зал для танцев выглядел великолепно. Множество люстр, ярко освещали сводчатый потолок, красиво очерченный мазками из золотой патали. Высокие окна до самого пола, были закрыты, но через них можно было разглядеть дорожки, на которых зажгли факелы для света и тепла.

С правой стороны я разглядела постамент с музыкантами. Фортепьяно, скрипка, флейта, уже наполняли это прекрасное место, полное роскоши и красоты. Я огляделась по сторонам, ища знакомые лица. Вернее, я искала только Регину Никс, надеясь, что Чарльз не подскочит ко мне сразу, а даст возможность насладиться эффектом от моего появления.

Да, от меня не укрылось, как гости осматривали мой наряд, темно-синий шелк длинных перчаток и изысканный гарнитур из крупных сапфиров.

Я ощущала их взгляды, шушуканье и сплетни, казавшиеся громкими, даже среди множества голосов и приятных музыкальных увертюр.

Горделиво задрав подбородок, я прошла по паркету, осмотрелась, ища взглядом прислужника, чтобы обновить бокал, а потом ощутила чье-то очень проникновенное внимание.

Сначала подумала на Чарльза, но повернувшись, замерла прищурившись.

Чуть поодаль от меня, в группке молодых мужчин на меня смотрел он.

Я узнала его почти сразу. Вернее сказать, я узнала взгляд зеленых, магических глаз. Пронизывающий, смотрящий словно в душу.

Недалеко от меня стоял наездник, с которым мы столкнулись несколько дней назад, и он тоже меня узнал. Так говорили его глаза и застывшие в полуулыбке губы.

Глава 3

Мне хватило полминуты, чтобы взять себя в руки и очень медленно перевести с мужчины взор. Я сделала вид, что не узнала его. Пусть так, хотя он и не выглядел дураком, явно понял, что мы оба вспомнили тот момент около леса.

Ненароком я отметила, что в костюме из плотного черного шелка с еле заметной отделкой на ткани, он выглядел притягательно. Крепкое телосложение, темные волосы, сильные руки, перстень на пальце. Все в нем выдавало того, кто обладал силой, уверенностью и положением. Особенно последнее, так как никто простой не смог бы попасть на бал к Метьюсам.

Наконец, поймав прислужника, я взяла бокал с шампанским и сделала пару успокаивающих глотков. На мою радость ко мне подплыла Регина, в своем осенне-огненном одеянии. Рубины ее семьи сверкали как пламя.

- Где Сэмюэль? – поинтересовалась я, ощущая, что на меня смотрит нахальный наездник.

Регина пожала обнаженными плечами, осматривая зал, где гости разбились на группки и что-то обсуждали.

- Он любит опаздывать, видно, собирается дольше, чем барышня, - хихикнула подруга, - ах, так и хочется размять ноги. Когда же они откроют бал?

- Как только господская чета Метьюс поприветствуют основную массу прибывших, сама знаешь. Приглашенные все прибывают и прибывают. Не кажется ли тебе, что Лев и Елизавета пригласили в свой особняк весь Остенбург?

Регина покосилась на меня.

- Ты выглядишь раздражительной. Что-то произошло?

Я пожала плечами, сделав еще один небольшой глоток напитка.

- Нет, просто, - протянула я, - посмотри правее, ты не знаешь этого черноволосого господина, стоящего рядом с Патриком Неллом? Только осторожно! Кажется, они пялятся на нас во все глаза!

Регина деловито выпрямила спину и медленно оглядела группку мужчин, немного прищурившись. Подруга была подслеповата, поэтому напрягла свои возможности видения на максимум процентов.

- Черноволосого не знаю, но рядом с ними еще Редли Гановер и Луис Вилбор, нагловатый блондин, от которого без ума половина Остенбурга.

Я снова посмотрела в их сторону, взглядом нашла Луиса, наконец, вспомнив, кто это.

- Ах, он! – тихо проговорила я, - помню, пару лет назад он оказывал мне некие знаки внимания, но еще тогда показался скользким и противным, как змей. Странно, что добродушный Патрик общается с ним, как и Редли.

- Последний, так вообще не отличается особым умом,

Аделя, - фыркнула Регина и мы рассмеялись, - его куда при-
бьет, там он и дрейфует, как бревно в Северном море.

Кое-как сдержав порыв к громкому смеху, мы с подру-
гой перевели все внимание на Летицию Морелли, юную де-
ву, наряженную в белую пышную органзу. Девушка словно
не на бал собралась, а на собственную свадьбу. Я слышала,
что ее родители делали все возможное, чтобы найти ей под-
ходящую партию, по причине того, что Летиция, хоть и бы-
ла миловидна и симпатична, но не отличалась выдающимся
умом.

- Что-то она переборщила со складками на платье, - про-
жужжала мне на ухо Регина, - не знала, что такая пышность
снова в моде.

Я бросила короткий взгляд в сторону компании Луиса и
снова уловила на себе внимание черноволосого незнакомца.
Казалось, за весь период он прожег на мне дыру размером
с кратер.

- Смотри, - не удержалась я, - он продолжает неистово пя-
литься в нашу сторону, как бык на красную тряпку.

- Кто? – в недоумении произнесла Регина.

- Тот черноволосый, рядом с Вилбором! – я между делом,
провела по подолу платья, убирая складку.

- Он явно на тебя запал, смотрит влюбленным взглядом.

- Прекрати! – шикнула я под смех Регины, которая спря-
тала открытую улыбку под складками веера, - кстати, я нена-
роком столкнулась с ним намеренно в лесу. Мы не совсем по-

делили дорогу у реки.

- Ты не рассказывала мне.

- Из головы вылетело с этим Чарльзом и сборами на бал.

В общем, мы немного повздорили.

- А я смотрю, он не отрывает от тебя своих глаз. Конечно, от ненависти до любви всего один шаг. Мне что-то подсказывает, что он еле сдерживается, чтобы пригласить тебя на танец.

— Вот еще! – фыркнула я, натягивая на себя маску из ледяной надменности, - не думаю, скорее, на его физиономии так и написано, что он хочет ответить колкостью.

- Ах, Аделя, не стоит все видеть в черном цвете! Потанцуй с ним, уверена, он так и рвется плясать, потому что краше никого и нет, а эти слюнтяи, его друзья, уже всю рассказали ему, что ты девушка свободная, почти на выданье.

Наконец, музыка прекратилась, и в центр бального зала вышли Елизавета и Лев Метьюсы, чтобы поприветствовать гостей еще раз и открыть увеселительное мероприятие своим первым танцем. Гости стихли как по мановению волшебной палочки.

Свет от люстр приглушили, создав более интимную камерную обстановку.

Хозяева особняка плавно закружились в легком, элегантном вальсе.

Я рассматривала их, следя за выверенными движениями, пока не отвлеклась в сторону и не уловила, как Луис Вилбор

и черноволосый, очень внимательно не посмотрели друг на друга, пожав друг другу руки. Скорее всего, мне показалось, что ярко-голубые глаза Луиса зажглись таинственным всепоглощающим огнем. На миг мне почудилось, что передо мной сам дьявол, но потом мираж канул в измененном свете прожекторов, плавно вальсирующих по лицам и телам людей.

Луис казался мне не идиотом, но каким-то наглым ханжой с кривой и хитрой ухмылкой. Пару лет назад он оказывал мне знаки внимания, но я откровенно дала понять, что мы не можем быть вместе. Он сразу же меня оттолкнул, уж не знаю почему, но что-то в душе подсказывало держаться от него на расстоянии. Я не чувствовала опасности, лишь предостережение, что нам не по пути.

Переведя внимание на танцующих, я всмотрелась в блики зелено-золотистого платья Елизаветы Метьюс. Изысканная, холодная, статная, она поражала своей выдержкой и великолепием, одновременно притягивала и отталкивала. Я старалась сконцентрироваться на ней, но все мои мысли улетали к черноволосому незнакомцу. Его взгляд продолжал словно преследовать, хотя в снова притихшем свете, я не замечала его, впиваясь вниманием в утонченный вальс.

Наконец, они завершили свой танец и открыли бал.

После громких оваций многие стали выходить в центр, чтобы позволить себе веселье. Кто-то прошествовал к фуршетным столам. Регина, не удержалась и отправилась тоже, в поисках крабовых канапе, хрустящих, в меру кисло-сладких,

о которых она мечтала почти год, а я, отставив полупустой бокал на поднос подавальщика, огляделась.

На меня смотрело сразу несколько человек, явно желая пригласить. Странно, в моем поле зрения не было Чарльза, который рвался заполучить мой первый танец. Я снова огляделась и застыла на месте, забыв, как дышать.

В мою сторону шел не кто иной, как незнакомец из леса. Я сглотнула, рассматривая его лицо, легкую небритость, выраженную морщину на лбу и красивые, пленяющие глаза. Его уголки губ слегка улыбались, он пристально смотрел на меня. Я замерла, слегка закусив губу, не убрала с него свой взор.

Внезапно я ощутила, как между нами наэлектризовалось пространство, воздух стал густым и вязким.

Его уверенная походка невольно пленила.

Между нами оставались доли секунды, я было приоткрыла рот, чтобы что-то сказать или как-то среагировать на его присутствие, но он вдруг прошел мимо меня. Я хлопнула глазами, продолжая источать уверенность и горделивую осанку, которая меня никогда не подводила.

Краем уха я слышала его бархатный, грудной тембр, обращенный не ко мне.

Оказалось, за моей спиной стояла не кто иная, как Летиция Морелли, обряженная будто сразу на свадьбу. И именно ее он приглашал на вальс.

Все внутри меня перевернулось. Нет, я не могла ошибиться-

ся. Он смотрел именно на меня. Либо я тоже, как Регина, испытывала проблемы со зрением, попросту этого не зная.

Не прошло и минуты, как Летиция вместе с черноволосым, галантно поддерживающим ее за руку, направились в центр бального зала.

Я потянулась к очередному бокалу с подноса подавальщица и жадно отхлебнула пару хороших глотков, чувствуя свой конфуз и неприятное ощущение. Ощущение, что меня променяли на Летицию, вдруг взбудоражило, внесло сумятицу, добавило переживаний, но я не успела им предаться, так как передо мной оказался Чарльз Эйден.

- Дорогая Аделина, прошу меня простить. На выезде из города перевернулась телега с овощами, что вызвало страшные заторы. Только не говорите, что наш первый танец украли!

Молодой человек в черном изысканном костюме, молниеносно схватил мою руку, припав к ней поцелуем. Я ответила скомканной улыбкой, продолжая находиться в недоумении от выходки незнакомца. Хотя в свете ламп и прожекторов я могла действительно не понять, что он устремил своё внимание на Летицию.

- Нет, я ждала вас, - ответила я в ровных интонациях. Лицо Чарльза засияло. Он галантно подставил локоть, чтобы повести меня в центр зала. Гости всю веселились, кружась в утонченном вальсе. Моргнув, я вложила руку в ладонь Эйдена. Молодой человек медленно, но филигранно повел ме-

ня, следуя музыке.

Восторженное лицо Чарльза, с особым трепетом замерло. Он улыбался, с нескрываемым волнением ведя меня по залу, пока я не отвела взгляд и не увидела рядом с нами Летицию, сияющую от привлекательного ухажера в виде незнакомца. Я поморщилась, а потом уловила на себе его мимолетное внимание, легкое, как перо. Он словно мазнул по мне, слегка задержав пронизывающий взор. Я восторженно и накинула на себя радужный образ, настолько счастливый, что свело зубы, показывая, как я воодушевлена от танца с Чарльзом. Казалось, мы отвернулись одновременно, а потом вальс прервался.

Эйден отвел меня в сторонку, чтобы мы передохнули. К нам подошла восторженная матушка, довольная тем, что я была учтивая к Чарльзу и проводила с ним время.

Пару раз я еще потанцевала с Эйденом, а потом была приглашена двумя другими кавалерами, не отказав в котильоне. Со мной хотели танцевать и другие, но я отказывала им, сохраняя некую неприступность.

Я уловила на себе внимание Луиса Вилбора. Его ухмылка вызывала тошноту. Я сразу же отвернулась, чувствуя неприятное ощущение на коже. Будто с его взглядом по мне ползали черви или змеи.

Уже ближе к окончанию бала, гостей пригласили на открытую террасу, где всюду горели согревающие лампы, чтобы никто не замерз в открытых платьях.

Лев Метьюс решил порадовать всех грандиозным фейерверком.

Я всмотрелась в ночную красоту неба. Между сверкающими точками звезд, с громкими звуками в темноту взмывали распускающиеся лепестками яркие хризантемы, нежные пионы и розы. Ярко-зеленые шары вперемешку с серебром и золотом, вырисовывали дивный узор, настолько филигранный, что сердце замирало в груди и хотелось, чтобы эта красота продолжалась бесконечно.

Рядом со мной стоял Чарльз, поминутно, смотря то на небо, то на замершую меня. Меня, словно улетевшую в черед бесконечных фантазий. Я будто парила в небесах среди этих искр, но мое лицо оставалось спокойным, пока я не уловила на себе чье-то внимание и не повернулась.

Чуть в стороне стоял незнакомец. Недалеко от него светловолосая Летиция замирала от восторга, но его взгляд, показавшийся сотканным из темноты, был устремлен в мою сторону. Нет, нет! Я не могла ошибиться. Я видела, сквозь залпы ярких красок, что его взор словно касался моей кожи. Я не понимала, вернее сказать, никак не могла понять, что выражает его странное поведение. Он казался загадочным, странным, непонятным, но заставляющим замирать.

Я отвернулась, все внимание переключив на Чарльза. Наигранно, можно сказать, нелепо, я улыбнулась ему, показывая, как меня радует компания из светловолосого красавца с изысканными манерами.

Уже после, Чарльз Эйден распрощался со мной до скорых официальных гуляний в парке, а мы с матушкой вернулись домой. И только в своих покоях, я увидела, что семейный браслет из сапфиров и бриллиантов куда-то исчез. На темном атласе перчатки роскошного украшения не оказалось.

Филипп сидел в одной из гостиных своей усадьбы, скинув на подлокотник кресла идеально-скроенный пиджак. Тусклый свет от настенных бра, лениво касался темно-синих бархатных портьер, закрывающих окна.

Воздух, пропитанный терпким мужским благовонием, наполняли ароматы почти потухшего камина и сигарет.

Усадьба молчала, только слышались порывы усилившегося ветра, нетерпеливо бьющиеся об стены и окна фасада.

Филипп, закинув ноги на пуф, словно находился не здесь. За собой его плавно и маняще уносило размышление впере-мешку с воспоминанием.

Перед глазами всплыли картины, полного роскоши особняка Метьюсев, помпезный бал, звон хрусталя и смех приглашенных.

Молодой мужчина прищурился, уносясь в это место, где яркость золота затмевала все вокруг, но во всей этой какофонии звука и пышущего жаром возбуждения, появилась она, та девушка, наездница, которую он повстречал несколькими

днями ранее.

Ярко-голубые, словно топазы глаза, чуть приоткрытый рот, роскошная шевелюра темных волос, заколотая шпильками, и смуглая матовая кожа, невольно притягивала взор. Филипп, лишь заинтересовался ей, как той, которая, казалось, ни на кого не походила.

Ее появление в главном бальном зале, добавило легкой смуты, внесло не сумятицу, а некий трепет среди гостей. От молодого мужчины не укрылись, брошенные в ее сторону мужские взгляды, завистливые женские шепотки и сплетни.

Она держалась спокойно, уверенно, в меру горделиво и грациозно, будто несла в себе не только редкое достоинство, но и особую гордость.

- Посмотри на Летицию Морелли, - проговорил Луис, наряженный в серый, изысканный по всем меркам костюм, - неплохо, не так ли? Правда, глупа как пробка, но может быть, так даже лучше.

Филипп лениво перевел интерес на светловолосую, высокую девушку в платье из пышной белой органзы. Да, она была красива, но словно пуста. Ничего необычного и интересного.

- Кажется, она ищет себе суженного, - вклинился в их разговор Патрик, - и готова на все.

Луис отпил шампанского, медленно водя взглядом по прибывающим гостям.

У Метьюсев собрался весь бомонд Остенбурга. Все самые

знатные семьи оказались среди приглашенных.

- Марта Келон, вон та брюнетка, строптивая, имеет непростой характер.

- Она тебя отшила? – не удержался от шпильки Филипп, а Луис хитро ухмыльнулся.

- Нет, меня редко кто отшивает, как ты выразился, просто в какой-то момент, мне стало скучно ее общение.

- Вы себе ищите дам для танцев или для чего? – перебил их тихий разговор Патрик, оглядывая друзей.

Луис с Филиппом промолчали. Последнему, идея с игрой вдруг стала казаться полной глупостью. Он прибыл с востока, чтобы осесть в столице, а не заниматься ерундой, но все равно, что-то внутри так и манило предаться особо острым ощущениям.

Невольно он снова перевел свое наблюдение на незнакомку. Теперь она стояла не одна. Рядом с ней крутилась светловолосая девица, чуть выше ее ростом.

- Она! – заговорщически прошептал Луис, - и более никто так не подойдет для этого дельца.

- Блондинка? – сухо высказался Филипп.

- Нет, - покачала головой его друг, - Регина Никс почти замужем, хотя, это был бы чудесный вариант. Представь, если бы ты отбил ее у жениха. Вот бы шума было, но это все-таки Остенбург, здесь нужно быть иногда осторожным. Ее подруга, - после недолгого молчания добавил Вилбор.

Филипп сквозь глухое спокойствие внутри, вдруг уловил

странный укол в груди.

- Аделина Поли, южанка, - прошептал Луис, - ее обожают мужчины, коих она отшивала почем крыду, пока вдруг не появился некий господин Эйден, увивающийся за ее юбкой на каждом мероприятии. Не слышал, чтобы они объявляли о помолвке, что только на руку. Как тебе она?

Филипп прищурился. Сквозь густую пелену в сердце, словно что-то прошептало о плохом предчувствии. Невольно вспомнились слова гадалки, но жадная до истязаний тьма победила. Губ мужчины коснулась ехидная ухмылка, словно сами бесы порадовались за то, что их хозяин не изменял своей проклятой натуре.

- Мила, - холодно ответил Филипп, - говоришь, не так просто?

- Южная кровь, горячая, так говорят.

- Я до сих пор не понимаю, про что вы, - влез в разговор Патрик, - выбираете девиц на первый танец?

«Если бы!» - подумал Филипп, - «на адский огонь, в котором будет плавиться душа».

- Она! – снова прошептал Луис.

Как раз чета Метьюс объявила первый танец. Зал наполнился наползающей темнотой, где освещение давали лишь вальяжно скользящие лучи от прожектора и блеклый свет от настенных светильников.

- Ты хотел моравскую лошадь, Филипп, - шепот Луиса доносился словно из преисподней. Внезапно для себя, молодой

мужчина почувствовал мороз, пробежавший по коже. — Если эта дурочка влюбится, то я подарю ее тебе, ну а если ты проиграешь, отдашь мне своего Беса.

Предложение очень удивило Филиппа. Луис знал, что конь Бартона значил для него очень много и за него он мог убить.

- Беса? — переспросил он, - не слишком высока ставка?

- Когда тебя это останавливало? — тихо рассмеялся Луис, при этом голубые глаза остались холодны, как льды севера. — По-моему, прекрасные ставки. Выиграешь, обзаведешься редкой моравской лошадью, гнедой, особенной. По рукам?

— Это что, пари на человека? — глаза Патрика непроизвольно вылезли на лоб. Побледнев, он смотрел то на Луиса, то на Филиппа, до конца не осознавая, что перед ним затевались первые струны мерзкой игры.

- Не бойся, милый друг, - лаконично добавил Луис, подмигнув Филиппу, - всему есть мера.

Только бы дурак не понял, что ни один, ни второй, меры не имели.

- Ты свидетель, но тайна должна оставаться тайной.

- Но это же просто ужасно, - не удержался Патрик. Какая-то часть Филиппа была почти с ним согласна, лишь малая часть. Бартону вдруг захотелось вкусить прелести властной силы. Заткнуть строптивую выскочку наездницу.

- Итак, она, - прошептал он, не обращая внимание на недоумение Патрика Нелла. — Аделина Поли.

- Она! – ощерился Луис. Их ладони встретились в рукопожатии. Филипп уловил знакомый запал, всколыхнувший нутро. Правда, что-то внутри кольнуло, но он не стал обращать на глупости внимание.

- Ты подаришь мне моравскую лошадь, друг.

Луис Вилбор рассмеялся. В голубых глазах взметнулся дьявольский огонь.

- Игра началась!

Филипп снова вернулся в одинокую, пустую гостиную особняка. Где-то вдалеке был слышан звук напольных, старинных часов, оставшихся от прежних хозяев.

Ухмылка посетила рот молодого мужчины, когда он снова вернулся к моменту, когда Аделина Поли была уверена, что он шел к ней, чтобы пригласить на танец. Ее взгляд и вытянувшееся лицо, добавило ему самомнения. Это было начало игры, первый раунд, зацепить глупышку.

Правда, Филипп заметил, как возле нее стал крутиться этот самый Чарльз, который, на самом деле, показался ему неоперившимся птенцом, с которым проблем не должно было быть.

В голове Бартона выстраивались логические схемы. От него не укрылось, что девушка обратила на него свое внимание, пусть пока еще полное непонимания и недоумения, но оно уже было. Филипп успел заронить в ней некоторое зерно странного переживания.

Молодой мужчина потянулся к стакану с виски, стоящему

на миниатюрном столике из дуба, на котором лежало украшение. Браслет, потерянный этой самой Поли. Видно, сами высшие силы были заинтересованы в этой игре. Не зря же, именно Филипп обратил на роскошный гарнитур внимание и заметил блеск от украшения прямо на террасе. Поднять браслет осторожно, было проще простого.

Взяв в руки тяжелую полоску сапфировых камней в обрамлении бриллиантов, Бартон откинулся на спинку софы, всматриваясь в преломляющуюся игру камней, прислонил к носу, вдохнул еле заметный аромат благовоний и снова задумался, возвращаясь к самоуверенной мордашке девушки, ее пухлым губам и выразительной голубизне глаз.

Играя, можно заиграться. И потерять себя.

Слова гадалки всплыли внезапно. На долю секунды Филипп задумался, но, поджав губы, отмахнулся от глупого предостережения. Бартон еще никогда ни в чем не проигрывал.

Зевнув, молодой мужчина отправился спать.

Поднявшись по устланной ковровой дорожкой лестнице и минуя длинный коридор, Филипп оказался в своих покоях.

Темная гостиная зона, почти полностью сохранилась от бывших хозяев, но вот спальню мужчина поменял, прикупив новую мебель, показавшуюся ему куда лучше, чем та, что была.

Пространство наполняли темно-синие шелковые обои, серебро люстры и настенных светильников и большая кровать

с таким же темным балдахином.

На удивление хозяин усадьбы уснул почти сразу, видно, притомившись после бала и длительного общения с друзьями и глуповатой Летицией Морелли, тут же положившей на него глаз и в своих мечтах, успевшей на нем жениться и родить минимум двоих детей.

Выспавшись, почти до обедни и плотно позавтракав, Филипп перебрался в свой кабинет, дабы заняться важными делами. Его появление вчера на балу, не осталось не замеченным. Наоборот, помимо семьи Метьюс, Луис познакомил его и с другими важными господами, представив как человека серьезного и делового, не забыв расписать выдающиеся знания по лошадям.

Лошади, как и бриллианты, занимали почти одно из главных мест в Остенбурге. Грех было не воспользоваться этим везением. Тем более, у Филиппа за долгие годы, сформировались хорошие отношения с разводчиками лучших жеребцов и кобыл.

Около четырех часов, молодой мужчина, отложив все дела и написав важные письма, надумал собираться в дорогу.

- Приготовить вам дорожный костюм, господин?

Камердинер Бенджамин, служивший несколько лет у Филиппа, бесшумно возник в дверях. Седые бакенбарды обрамляли его лощенное лицо, с глубокими морщинами на щеках и лбу. Зоркий взгляд, как у сокола, смотрел пристально и деликатно.

Кроме камердинера, Бартон никого не привез с Меревиля, посчитав, что прислугу наберет и в столице. Правда, получилось эту не сразу. Молва о проклятии усадьбы, все равно распространилась по городу за годы, что невероятно раздражало мужчину. Любили же люди верить во всякие бредни!

Прислугу, все же, удалось набрать. Правда, пока не в том количестве, которое было необходимо, но Филипп посчитал, что это дело времени.

- Нет, я поеду в экипаже, приготовь костюм и твидовый плащ.

- Как прикажете, - слегка поклонился Бенджамин, - еще будут какие-нибудь указания? Не желаете ли кофе?

Филипп отмахнулся, задумчиво взглянув в окно.

Дождь, морозящий с утра, немного усилился. Почти облетевшие буквально за несколько дней кроны деревьев, гнулись в разные стороны от ветра. Да уж, Остенбург, не радовал бархатной осенью!

Решив более не терять времени, мужчина отправился в свои покои, чтобы собраться. Он позволил себе чуть дольше рассмотреть свой внешний вид в зеркале, добавив запонки из южного агата в рукава и золотые часы отца, утонченно переливающиеся на его руке. Жилет из шоколадного оттенка шелка, смотрелся привлекательно на фоне белоснежной рубахи.

Филипп провел рукой по волосам, поправляя их, и нанес

несколько капель мужских благовоний, с терпкими, пряными нотками.

В небольшом футляре на столе покоился потерянный браслет Аделины Поли.

- Так значит, Аделина, - протянул он вслух, еще раз, бросив на зеркальное отражение свой взгляд, смотревший без тени тепла, будто в глубине зеленых глаз, трава покрылась корками льда. На губах заиграла уверенная ухмылка.

Дорога до особняка Поли заняла около получаса пути.

Оказалось, они почти были соседями, что сыграло на руку Филиппу.

Пока экипаж тащился по ухабистой дороге, молодой мужчина рассматривал унылые осенние поля, встречающиеся пролески с хвойными деревьями, и осиротевшие без листвы кустарники, походившие на скелеты.

Через некоторое время Бартон увидел изгородь, опоясывающую территорию владений Поли, а потом показалось и само строение, оказавшееся трехэтажным.

Постройка выглядела немного вычурно и строго, будто лицо недовольного аристократа, но барельеф добавлял лоска и утонченности. Входная группа с фонтаном, показалась Филиппу аккуратной, собственно, как обычно, у знатных господ.

Экипаж остановился прямо у высоких, дубовых дверей, которые почти сразу отворились. На пороге показалась высокая женщина с проворным и прямым взглядом. Она шуст-

ро осмотрела гостя, почти бесцеремонно, не лстя ненужными улыбками.

Филипп представился и попросил встречи с кем-нибудь из представителей семьи. Конечно, ему бы очень хотелось сразу же побеседовать с Аделиной, но он понимал, что шансов для этого у него немного.

Про семью он ничего не знал. Луис, не успел поделиться с ним этой информацией, посему, Бартон, можно сказать, шел по тонкому льду, не зная, что его ожидает за воротами особняка. Им правила лишь уверенность, азарт и желание победы. Все остальное, он задушил на корню, не давая сомнениям, совести и прочей ерунде показываться в его поле зрения.

Женщина, видимо, управляющая, пригласила его в уютную гостиную, очень светлую, с кремового оттенка шелковыми обоями, живыми цветами в вазонах и идеально подобранным мебельным гарнитуром жемчужного оттенка.

Атлас приглушенно переливался, а крученые золотые ножки добавляли изящества софе и креслам.

Стук каблуков стал слышаться ближе, пока перед Филиппом, застывшим в немой позе недалеко от окна, не появилась женщина.

Аристократичный профиль, светлые волосы с проседью и сдержанного оттенка атлас, делали ее привлекательной, несмотря на возраст. Карие глаза смотрели уверенно и сосредоточенно.

Филипп манерно и открыто улыбнулся. Умел он владеть

мимикой, словом и этикетом. Деспотичная тетка Эмма с гувернерами вдолбили в него важные вещи силой.

- Госпожа Поли? – переспросил он, отметив про себя, что мать и дочь совершенно не были похожи друг на друга. – Меня зовут Филипп Бартон. К сожалению, у меня пока не было возможности познакомиться с вашей семьей, я прибыл с Меревия, не так давно.

Женщина кивнула, пока, не понимая, по какой причине их семья понадобилась Филиппу, но учтиво предложила сесть в одно из кресел.

- Чем могу быть полезна, господин Бартон?

Спокойный, грудной голос, без намека на истеричные нотки, наполнил помещение гостиной. Филипп, ненароком отметил для себя, что скорее всего мать Аделины, являлась представительницей запада, сдержанной, немногословной, явно непростой, что осложняло некий путь. Но когда это останавливало Филиппа? Ему было наплевать, как и многим на него.

- Скорее, я вам буду полезен, - улыбка коснулась губ мужчины, - вчера я был на балу Метьюсев. Невольно обратил внимание на великолепное украшение вашей дочери, а потом, заметил браслет. Скорее всего, он был потерян.

Чтобы не тянуть времени, Филипп осторожно достал из пиджака футляр и протянул женщине.

Та недоуменно сморгнула, взяла в руки бархатную коробочку и, открыв, вздохнула с облегчением.

- О боги, - промямлила она, вмиг растеряв собранность, - он нашелся. Аделина места себе не находит, как и я. Уже успели отправить Метьюсам письмо, чтобы они попробовали поискать украшение. Моя дочь, обычно всегда такая аккуратная.

- Уверен, она ни в чем не виновата, - деликатно перебил Филипп, - замок ослаб, посему браслет растянулся.

Женщина кивнула, всматриваясь в украшение, с особым вниманием.

- Этот гарнитур еще носила моя прабабушка. Он очень ценен в нашей семье. Я подарила его своей дочери. Минутку, я позову ее, чтобы она могла вас тоже отблагодарить.

- Ну что вы, я не хотел отнимать ваше время, - деланно спокойно добавил Филипп.

- Нет, перестаньте, - поднялась с кресла женщина, - я позову Аделину, и если вы не торопитесь, то мы выпьем чай.

Бартон не собирался удерживать хозяйку особняка. Филигранно кивнул, осторожно закинув ногу на ногу. Все складывалось удачно. Даже очень.

Налет ухмылки посетил его лицо, пока он снова не услышал шаги.

Через долю минуты перед ним оказалась госпожа Поли с дочерью.

Обаяние, как маска упало на лицо Филиппа.

Он сразу же заметил, стоило войти Аделине, как та вмиг напряглась, но не прошло и секунды, как она взяла себя в

руки, чуть горделиво задрав подбородок.

Бутылочного оттенка платье с мелкой серебристой строчкой, красиво сочеталось с цветом ее темных волос. Корсет плотно обхватывал талию, поднимая грудь и выделяя кокетливую ложбинку. Филипп сделал вид, что не задержал на этом легком откровении свое внимание, но на удивление, у него засосало под ложечкой, хотя он был всегда пресыщен женской красотой.

- Аделина, познакомься, это господин Филипп Бартон. Благодаря его зоркости, нашлось украшение.

Губ девушки коснулась легкая полуулыбка. Она уверенно подошла к молодому мужчине, протянув руку для приветствия.

- Ну что же, господин Бартон, теперь я знаю имя человека, кто любит скакать по лесам в несусветную рань. Мы знакомы, правда, косвенно, матушка.

В голубых глазах девушки скользнул налет раздражения, чем вызвал у Филиппа желание ее завоевать, как можно скорее, поставить ее на уничижающее место, но он понимал, здесь торопиться нельзя.

- Неужели? – удивилась госпожа Поли.

- Мы встретились намеренно, случайно, в лесу. Видимо, я как и ваша дочь, обожает лошадей.

Ослепительная улыбка коснулась рта Филиппа, при этом, он позволил себе выдать чуть больше интереса, направленного на Аделину, зная, как это действует на девушек. Но та,

абсолютно не смущаясь, ответила ему проникновенным взором, и молодой мужчина непроизвольно отметил, что глаза Аделины заворожили даже его.

В гостиную зашла прислужница, внеся душистый травяной чай и яблочный пирог.

- Я вас не видела ранее.

Голос Аделины отдавал легкой хрипотцой, предавая девушке некую загадочность. Определенно выбранная жертва, импонировала Филиппу.

- Пару седмиц назад я прибыл с Меревиля, решив осесть в столице. Прикупил особняк, узнав уже потом, что его называют проклятым, - молодой мужчина усмехнулся, расслабленно закинув ногу на ногу.

- Не бойтесь, что проклятье настигнет и вас? – не удержалась от колкости девица. Филипп видел, что она была напряжена, но старалась это скрыть. Он же выдавал легкую расслабленность и специально поглядывал на нее, не скрывая легкого интереса, стараясь не перебарщивать.

- Почему-то я думал, что вы в это не верите.

Аделина пожала плечами.

- Две смерти подряд, могут вызвать налет сомнения.

- И обе, как я знаю, чистые случайности, - парировал Филипп, не желая уступать глупой брехне.

- Аделина, это все глупости, дорогая, - влезла в разговор главная госпожа.

- Уверена, что вам виднее, матушка, - улыбнулась девуш-

ка и повернулась к мужчине, - я вам благодарна за вашу внимательность, господин Бартон. Вы не оставили нас страдать по действительно дорогой вещи.

- Да, моя дочь полностью права, - согласилась женщина, - чем мы можем отплатить за ваше доброе сердце и такой искренний джентльменский поступок?

Филипп на долю секунды замолчал, слегка прищурившись.

- Ну что вы, как можно? Хотя - отставил он чашечку на поднос, - если вы будете не против, госпожа Поли, я бы хотел пригласить вашу дочь на прогулку. Конечно, если это не будет выглядеть нагло и претить условиям и этикету.

Госпожа Поли сморгнула, немного напрягаясь, но Филипп не стал задерживать на ней свое внимание, посмотрел на Аделину. Та замерла, уставившись на него с нескрываемым налетом пренебрежения.

Мужчина улыбнулся, продолжая источать деланную искренность.

Глава 4

- Уверена, вам есть с кем проводить время, господин Бартон. Что-то мне подсказывает, что вы успели завести знакомства в Остенбурге, благодаря вашей открытости.

- Вы правы, мне удалось познакомиться с некоторыми людьми, - не стал отнекиваться мужчина.

Довольная физиономия, легкий налет иронии, вперемешку с притягательной мужественной красотой, создавали во мне беспокойство.

Я не могла понять, что ему на самом деле нужно, ведь буквально накануне он умело отплясывал вместе с Летицией Морелли, выбрав ее королевой своего вечера. По крайней мере, я не видела, чтобы он танцевал с кем-то еще.

- Если вы не желаете, я ни в коем случае не буду настаивать, просто мне что-то подсказало, что вы смогли бы показать мне интересные места в городе. Прошу простить за настойчивость, возможно, я не все знаю, и ваше сердце давно отдано другому.

Я молчала, не понимая, что со мной творилось. С одной стороны меня тянуло к этому человеку, но с другой, что-то останавливало, заставляло держаться в стороне.

- Аделина, ты могла бы показать господину Бартону сады Перфионы, если, конечно, вы еще не успели там побывать,

- вклинилась в разговор матушка, жутко меня удивив. Видно, женщина решила сватать меня всем подряд, чтобы уже выдать замуж.

- У нас плотный график в этот сезон, боюсь, не смогу разделить время.

Моя улыбка и спокойное выражение лица, ничего не выражающее, по сути, вперилось в физиономию гостя. Тот деликатно улыбался кивнув.

- Тогда, быть может, позже? – удивил он меня, вдруг возникшей настойчивостью. В зеленых, как магические камни глазах, сверкнул блеск.

- В парке «Грация», через пару дней будет гуляние, уверена, вы сможете там свидеться, - вклинилась матушка, дабы избежать недопонимания.

- Чудесно! – не стал давить более мужчина, - благодарю за чай, не смею вас более задерживать. Было невероятно приятно познакомиться!

Филипп Бартон поднялся с кресла. Мы с матушкой тоже встали, протянув руки для поцелуя. Как мне показалось, мужчина задержал мою руку в своей чуть дольше положенного, после чего, улыбнулся.

- Я провожу вас, - неожиданно выдала я, также улыбаясь.

Мы прошествовали в холл, и, резко повернувшись, я всмотрелась в лицо Филиппа Бартона, с особой проникновенностью и уверенностью, не собираясь показывать, как меня взволновал этот приход.

- Всего доброго, господин Бартон.

Молодой мужчина ухмыльнулся.

- Знаете, госпожа Поли, - вдруг выдал он, чуть ближе подойдя ко мне. Его бархатистый тембр голоса, словно коснулся моей кожи. — Что-то мне подсказывает, что в быстрой езде, вы бы мне проиграли, даже несмотря на то, что отчаянно можете прыгать через русло речушки.

Я хлопнула глазами от неожиданности.

- Не стоит быть настолько уверенным, господин Бартон.

Правая бровь молодого мужчины взметнулась вверх, он продолжал источать хорошее настроение, чем будил во мне странные чувства.

- Оставляю при себе свою уверенность, пока не увижу сам. Всего доброго, госпожа Поли.

Через долю секунды Филипп Бартон покинул наш особняк, закинув на ходу теплый плащ.

Я продолжала стоять в холле и чувствовать, как ненормально бьется сердце. Но с этим я планировала разбираться позже.

- Матушка, за то, что этот человек нашел браслет, вы готовы были на все? — не выдержала я, позабыв о приличиях и деликатности.

Тереза, сидя на софе, умудрилась посмотреть на меня сверху вниз, а не наоборот, слегка дернув уголками губ.

- Ты не помолвлена, - прозвучал ее короткий ответ, - господин Бартон оказал нам по-настоящему драгоценную услу-

гу. Я чуть не помешалась, когда узнала о потере, да и ты лила слезы из-за своей невнимательности. Я посчитала, что в обычной прогулке нет ничего плохого.

- Но вы же всеми руками и ногами за Чарльза Эйдена.

— Это просто любезность, короткая прогулка. Конечно, от меня не скрылось, что ты понравилась этому господину.

Я скривилась, тряхнув головой.

- Не уверена, что это так. Обычное мужское желание, по нему это видно. Видите ли, он прибыл из Меревиля и решил познакомиться здесь со всеми, ради своих выгод.

- Ты преувеличиваешь, дорогая. Мы говорили только в ключе любезности, а ты уже успела составить по нему характеристики, - покачала головой Тереза. – Уверена, одна встреча с ним, ничего бы не значила ни для кого из вас, но раз ты отказала, твое право. Никто не собирался на тебя давить.

- Вы любите давить только с Чарльзом, - не унималась я.

- Аделина, ты переходишь границы допустимого в общении со мной. Я обязательно попрошу твоего брата, когда он придет, хорошенько с тобой побеседовать. Мне кажется, ты совершенно запуталась, и сама не знаешь, чего хочешь от жизни.

Развернувшись на каблуках, я минула прислужницу, заставшую на месте, и устремила в свои покои.

Комната встретила меня натопленным камином. Было даже душно.

Я закусила губу, подойдя к окну, взгляделась в сторону

небольшого пролеска.

Ветер, как безумный танцор, клонил деревья и гнул по-
жухлую, полностью мокрую траву, но я думала не о природ-
ных условиях, а о Филиппе Бартоне.

Так вот как его звали.

Он казался наглым, нет, он был им. От него исходило са-
модовольство, уверенность, чувствовалось некая пресыщен-
ность жизнью и удовольствиями, которую в себе несла. Я
коснулась прохладного лба, чувствуя, как под его взглядом,
почти замирала, но изо всех сил умело показывала гордость,
свою статью, скрывая уязвимость.

Филипп Бартон не был Чарльзом Эйденем. Последний,
читался как открытая книга, при всей своей стати, был доб-
родушным, манерным, похожим на ангела. Этот же, манил,
словно звал, касаясь потаенных струн души.

Он был опасен. Уж не знаю, почему я так решила.

- Я правильно сделала, что отказала ему, - сказала я вслух,
- пусть лучше определиться, кто ему нужен, Летиция или
кто-то еще. Еще и бросил в конце шпильку, что я обучена
верховой езде хуже, чем он.

Я фыркнула.

- Надменный индюк!

Усевшись на кровать, я вздохнула.

Сердце неистово билось в груди, продолжая возвращать
меня к Филиппу Бартону и его зеленым глазам, чертовски
притягательным и опасным.

Пару дней я никуда не выходила. Благо Чарльз не прибыл с визитом. Мне меньше всего хотелось его видеть, хотя у нас была договоренность встретиться на официальном гулянии в парке «Грация».

Внезапно, резко похолодало. Воздух, казалось, наполнился крупными кристального льда, замер, в ожидании еще более сильных снижений температур.

Мы с матушкой сидели в одном экипаже, рассматривая поля, покрытые замерзшей изморозью.

Небо застилали белые, похожие на перину облака, через которые пробивалось прозрачной голубизны небо, успокаивающее взор. Благо, в официальный день гуляний, непогода не должна была испортить праздное общение среди природы и запираť всех собравшихся в крытые павильоны, чтобы согреться горячим глинтвейном и пышной, теплой выпечкой.

Матушка не особо благоволила на разговор. Казалось, все ее мысли витали только где-то в ее неведомом мире. Я знала, что родительница переживала за меня, но старалась не давить в вопросах моей личной жизни. Я и сама не могла в ней разобраться, а уж советы других еще хуже путали.

Парк встретил почти полностью опавшей листвой. Безветрие добавляло тишины и некоего ощущения запустения, но это было лишь на первый взгляд, так как «Грация», представлял собой большое пространство с лесами, полянами и приятными лужайками.

Старинный парк походил на ушедшего в своих фантазиях поэта, сидящего на лавке под раскидистым кленом.

Запах сырой, подмерзшей земли вперемишку с опавшими листьями, которые собирали садовники в большие полотняные мешки, наполнял собой легкие.

Мы с матушкой прошли мимо пруда забвения, окруженный поредевшими и усталыми камышами, застывшими среди мраморных скульптур дев, всматривающихся своими лицами в сторону каменного охотничьего домика, к которому вели покрытые листвой ступени.

Вдалеке слышались голоса прибывших. Обычно в официальные дни, все собирались недалеко от центральной части парка, где располагалось множество беседок, лавочек и аккуратных дорожек, по которым было приятно прогуляться.

Как раз оттуда из открытых и закрытых буфетов доносились ароматы чая, кофе, глинтвейна и выпечки. Конечно, и шампанское лилось рекой.

- Предлагаю подойти к чете Ривер, поприветствовать их. Там недалеко и Эйдены, Аделина. Уверена, им понравится, что мы поддерживаем с ними добрые отношения.

Я чуть не закатила глаза, покосившись в сторону родителей Чарльза. К слову, последнего я с ними не увидела, видно, молодой человек готовился к гуляниям особо тщательно, чтобы привстать передо мной во всей красе.

Риверы, с которыми родительница была очень любезна, проявили ко мне особое внимание, осыпав комплиментами.

Великовозрастная чета, меня несколько не раздражала, наоборот, они казались мне милыми и приятными, чего я не могла сказать про мать Чарльза – Веронику Эйден. По ее выражению лица, можно было сразу понять, что женщину много что не устраивало, и при всем уважении к моей матери, на меня она посматривала, еле скрывая налет пренебрежения. Отец же Чарльза, господин Мэтью, казалось, был ни здесь, видимо, желая подойти к своим знакомым, чтобы с удовольствием раскурить табачную трубку.

- Аделина, превосходный плащ, - улыбнулась Вероника, - светлый драп тебе к лицу, как и шляпка. Кстати, Чарльз просил передать, что немного задерживается. Он неожиданно вчера встретил знакомую, с которой сегодня должен был пересечься, чтобы передать томик стихов. Оказываются, они оба любят одну и тоже поэзию.

Я деликатно кивнула.

Видно, Вероника Эйден придумала эту историю на ходу, по причине, что ей не особо нравилось пристрастие сына в виде меня, и чтобы отвести, на ходу сочинила ему новое увлечение. Я не расстроилась, наоборот, снова ощутила, что внутри моего сердца спокойно.

- Думаю, мы еще успеем сегодня прогуляться с Чарльзом.

Матушка в подтверждении моих слов кивнула. Я заметила, что ей не понравилось высказывание Вероники и я уже представляла, как она готовилась устроить мне головомойку на тему молодого человека и моего равнодушия к нему.

Наконец, Тереза решила поздороваться с другими, выискивая взглядом Чарльза, чтобы со спокойной совестью отправить меня с ним на гулянья, но молодого человека, по-прежнему не было видно.

В крытом буфете я взяла себе горячий глинтвейн. Пряный аромат трав, корицы, кардамона и бадьяна добавил теплоты в этот прохладный день.

Я сделала глоток, ощутив еле заметный вкус красного вина, и с удовольствием, прикрыла глаза, отойдя чуть в сторону от столпившихся масс людей, желающих отведать угощения.

Под кроной осыпавшегося дуба, я согревала руки напитком, наслаждаясь вкусом. Прикрыла веки, а когда открыла, вздрогнула.

Передо мной стоял никто иной, как Филипп Бартон, собственной персоной.

Его зеленые глаза напомнили мне цвет мха, но, если приглядеться, в них скрывалась потаенная темнота, в которой читалась что-то затягивающее, странное.

От неожиданности я потеряла самообладание, но быстро собрала себя, расплываясь в немного ленивой улыбке. Он тоже улыбнулся. Между делом я отметила его лохотеный внешний вид. Изысканный коричневый костюм, высокие кожаные сапоги и теплый плащ.

- Госпожа Поли, - молвил он с еле заметным придыханием, пока я выстраивала между нами стену. – Не правда ли, чудесный день для прогулки?

- Вы напугали меня, - вместо приветствия, поделилась я, слегка прищурившись, - подкрались как хищник.

- Может быть, я он и есть? – тихо рассмеялся Филипп, - на самом деле, совершенно не желал вас напугать, наоборот, решил скрасить одиночество.

- Я не одна.

Левая бровь молодого мужчины медленно поползла вверх, губы застыли в молчаливой ухмылке. Его уверенность поглощала, но я делала все от себя возможное, чтобы показать всем видом, что не заинтересована в общении.

- Где же ваши друзья?

Филипп пожал плечами. Я уловила пленительный аромат благовоний, исходивший от мужчины, и невольно сглотнула.

- Наверно, скоро пребудут. Я прибыл чуть раньше, дабы самому посмотреть на парк и что таить? Хотел увидеть вас, ведь ваша матушка говорила, что вы непременно посетите это гуляние.

Я прищурилась, всматриваясь в коварные, зеленые глаза. Сложно было сопротивляться магнетизму мужчины и его силе. Да, он был в себе уверен, он знал, что хотел. Я чувствовала это.

- Увидели?

Бартон тихо рассмеялся.

- Вы похожи на колючую розу, но мне это нравится. Кстати, не передумали насчет прогулки?

- Зачем? – улыбнувшись, я холодно посмотрела на моло-

дого мужчину, - уверена, ваши друзья вам все уже показали. В Остенбурге не так много мест, достойных посещения.

- Смотрю, вы прямолинейны, это похвально. Я сам не люблю ходить вокруг да около, обожаю прямоту. На самом деле, я с удовольствием хотел бы угостить вас восточным кофе со своих плантаций. Мне что-то подсказывает, что этот вкус, точно не оставит вас равнодушной.

- Неужели? – поинтересовалась, снова ощутив, как мое сердце бьется куда быстрее, чем обычно. – Это реклама?

Филипп рассмеялся. Его смех был открытым, простодушным, вполне себе искренним. Глаза светились ироничным весельем. Я не заметила, как тоже немного расслабилась.

- Нет, просто хочу быть крайне обходительным с вами.

- Хотите?

- Ну да, - кивнул мужчина, - мне очень хочется именно так, госпожа Поли.

Я сделала небольшой глоток напитка, пока молодой мужчина пленительно всматривался в мое зарозовевшее, далеко не от глинтвейна лицо. Со мной словно что-то происходило, жар разливался по коже и в какой-то момент меня напугал. Я сморгнула.

- Вы всегда делаете так, как вам хочется?

- Стараюсь, - добродушно пожал плечами Филипп.

- И конечно, от вашей прямолинейности, без ума представительницы прекрасного пола.

- Не знаю, - чуть тише проговорил молодой человек, - им

виднее. Так что, госпожа Поли, как насчет прогулки? Обещаю, вести себя сродни джентльмену, не пересекать допустимых границ.

Я снова уловила, что голос стал вкрадчивым, особенно проникающим. Казалось, он трогал мою кожу, касался шеи, спины. Я закусила губу, возвращая себе вмиг потерянное самообладание, а потом ощутила, как Филипп дотронулся до моей прядки волос и очень медленно заправил ее за ухо. От этого прикосновения по моему телу прошел ток. Я вздрогнула, всмотревшись в лицо мужчины.

- Простите за дерзость, ваши прекрасные волосы не давали видеть ваши еще более чудесные глаза.

Никто раньше не касался меня. Никто.

- Я, - молвив, я замолчала, так как перед нами оказался Чарльз, своим появлением, не дав словам пролиться. Я хотела сказать, что я не собираюсь никуда с ним ехать.

- Аделина?

- Чарльз, - констатировала я, первый раз в жизни так обрадованная появлению молодого человека, - знакомьтесь, это господин Бартон. Он не так давно прибыл из Меревиля и теперь живет в столице, в усадьбе, недалеко от нашего особняка.

Филипп поджал губы. Его лицо поменялось, стало более равнодушным и отрешенным, но взгляд выразил пренебрежение приходом Чарльза. Мужчины пожали друг другу руки. Оба, с неохотой и осторожностью.

- Вы выкупили старинную усадьбу? – поинтересовался Эйден.

- Только не говорите, что она проклята и скоро я кану вместе с другими хозяевами, - скривился Филипп.

Чарльз немного смущенно моргнул.

- Хотел, лишь добавить, что вам не стоит верить глупым разговорам. Тем более, бывшие хозяева умерли своей смертью.

- Господин Эйден, невероятно рад встретить здорового человека на своем пути, - ухмыльнулся Филипп, - вы заронили во мне надежды, что не все считают меня сумасшедшим, раз я выбрал для проживания именно ее.

- Многие наслышаны о ее роскошных интерьерах, - поддержал беседу Чарльз.

- Да, там недурственно, правда, я кое-что изменил по своему вкусу. Возможно, в ближайшее время устрою там прием, дабы все могли насладиться этим местом так, как им наслаждаюсь я.

- Чудесная идея, - кивнул Чарльз, покосившись в мою сторону. Ему не терпелось остаться со мной наедине. Я же, не понимала, что со мной творится. С виду Филипп Бартон любезно общался, был уверен и спокоен. Я же, рядом с ним, ощущала, словно я канатоходец, идущий над пропастью без страховочного троса. Во мне странно начинали бурлить чувства, при этом, я старалась держаться от него в стороне, словно так было безопаснее.

- Прошу меня простить, мои друзья прибыли, увидимся позднее. Господин Эйден, госпожа Поли, - откланялся Филипп, бросив на Чарльза холодным, немного надменным взглядом, будто тот крал у него, прямо из-под носа что-то ценное.

Через долю секунды, мы остались вдвоем. Чарльз, явно ощутил облегчение, что Бартон покинул нас. Я всмотрелась в спину уходящему мужчине, невольно вздрогнув, вспомнив прикосновение его руки к моим волосам.

- Чарльз, прошу вас, отнесите бокал.

Молодой человек, тут же ретировался, спросив, не желаю ли я еще чего-нибудь, но я не желала. Мне нужно было остаться на минуту одной, чтобы прочувствовать свое самообладание. Передо мной, так и стояли зеленые, магнетические глаза Филиппа Бартона, его ироничная услужливость, уверенность, бьющая через край, особый аромат его благовоний.

Меня это напугало. Ведь я всегда держала все в своих руках и на приличном расстоянии, словно боялась чувств на самом деле, боялась любви.

- Не желаете ли прогуляться по аллее статуй, Ангелина?

Я согласилась, с вновь подошедшим Чарльзом, и схватившись за его локоть, мы прошли по ступенькам вниз, где было менее многолюдно. Я чувствовала затылком взгляд и знала воочию, кому он принадлежит. Посему повернулась к Чарльзу, чтобы ему улыбнуться.

- Не желаете ли завтра вечером посетить ресторанцию, Аделина? Говорят, в «Белом Лебеде», завезли чудесных устриц с Северного моря. Новый улов.

- Боюсь, мне придется вам отказать, завтра мы приглашены с матушкой к Эндрюсам на ужин. Неужто, вы не будете у них?

Чарльз пожал плечами.

- Не слышал, что они устраивают ужин, скорее, хотят провести его в некоем камерном кругу, - пожал плечами молодой человек. – Мои родители, не особо с ними общаются.

- Понимаю, - кивнула я, не став предлагать встретиться в другой день.

Я посмотрела на Чарльза, на его ровный, точеный профиль, на его изысканную правильность и утонченные, очень галантные манеры и вздохнула. Молодой человек был предсказуем, но почему-то именно меня это не прельщало, навевая смятение.

- Этот господин Бартон, - вдруг начал Чарльз, словно прочитав мои мысли, протекающие на подкорке сознания, - вы давно с ним знакомы?

- Недавно он оказал услугу нашей семье, не более того, - не стала я вдаваться в подробности потери браслета. – Каким он вам показался, Чарльз?

Эйден прищурился. Наверно, его немного смутил мой вопрос, вернее, моя заинтересованность.

- Сложно составить портрет, зная человека пять минут,

Аделина, - пожал плечами молодой человек. Я почувствовала, как он покрепче прижал мою руку к себе, словно боясь отпустить. — Он выглядит самоуверенным. Знает себе цену, хотя, все это может быть напускным, чтобы произвести впечатление.

Мне показалось, или Чарльз, словно чувствуя внимание Филиппа ко мне, будто специально расписывал того в не самом лучшем виде, хотя и чувствовала, что-то схожее. Ведь не зря, мне хотелось сторониться. Мной не забылись странный поступок с танцем и насмешливое общение в лесу.

- Возможно, - равнодушно пожалала я плечами. — Я знаю его, сколько и вы, но, как видите, он очень быстро вошел в общество.

- Связи, - прищурился Чарльз.

Я кивнула, замолчав, ненароком думая про Филиппа Бартона. Да, — от его самоуверенности замирало дыхание.

Мы прошли с молодым человеком по аллее, рассматривая замершие на века статуи дев. Их взгляды были пусты, улыбки на губах приторны, позы обращены в никуда. Я мазнула по ним своим вниманием, не особо включаясь и думая о своем.

Прохладный воздух пробивался под накидку, касался волос, кусал ноги в кожаных, шнурованных ботинках. В какой-то момент, мне опостылела эта прогулка, и я поторопила Чарльза вернуться к крытым павильонам, чтобы согреться внутри.

Мой галантный кавалер, поддерживая мой локоть, довел меня до столов с напитками и угощениями, и пока здоровался со своими родителями, я подошла к Регине, пришедшей в парк вместе с Сэмюэлем.

- Выгуливала Чарльза? – прошептала она мне на ухо. Я фыркнула и покачала головой.

- Скорее, он меня, - откусив сладкий пончик, я с большим аппетитом его проживала, рассматривая гостей, и почти замерла с набитым ртом, так как у дальнего столика узрела уже знакомую мне компанию из Патрика Нелла, Луиса, Редли и Филиппа. Они попивали горячий глинтвейн и что-то обсуждали. Рядом с ними стояло еще двое мужчин, которых я не знала. Может, видела пару раз.

- Тебе понравился бал у Метьюсев? – спросила Регина, - народу было столько, что неудивительно, что мы так быстро потерялись. Кстати, тебе удалось потанцевать с тем черноволосым красавчиком, который пялился на тебя?

Я покачала головой.

- Тебе показалось, Регина, он танцевал с Летицией. И вообще, он странный, этот господин, - проговорила я на ухо подруге, - от таких лучше держаться в стороне.

Подруга вопросительно уставилась на меня. Пришлось рассказать некие хитросплетения нашего общения, а потом я уловила снова этот взгляд, вызвавший на моей щеке легкое покалывание. Я уже знала, что Филипп Бартон, заинтересованно смотрит на меня.

Он, правда, смотрел.

Ироничная улыбка плясала на его губах. Я выдержала его внимание, а потом, он просто взял и очень медленно от меня отвернулся, так как в их компанию подплыли две девицы, которых я ранее не видела. Одна, светловолосая с особым видом взглянула на Филиппа. Тот, казалось, сдержанно улыбнулся и повернулся ко мне, но я вовремя отвернулась, дабы скрыть то, что пялилась в его сторону.

Регинина правая бровь удивленно взметнулась вверх.

- Между вами, словно игра, - подытожила она, - ты ему точно нравишься. А он тебе?

- Не говори глупостей, - шикнула я скривившись.

- Почему же? – удивленно воззрилась на меня подруга, - ты мне все уши прожужжала, что хочешь влюбиться. Кажется, он тебе нравится.

Я фыркнула.

- Он мне не нравится, он странный и какой-то непростой. Теперь пришел черед фыркать Регину.

- Простые, как Чарльз, и очень понятные, тебе не нравятся. Очень непростой тоже. Аделя, мне кажется, ты совсем запуталась. Все закончится тем, что госпожа Поли, твоя матушка не выдержит и отправит тебя под венец с первым встречным.

- Ты сгущаешь краски.

- Я говорю тебе, что вижу, - дернула локонами подруга. Оттенки светлого ей очень шли и гармонировали с кожей

цвета фарфора. – Кстати, он смотрит в нашу сторону, даже несмотря на то, что его окружили девицы. Это точно что-то значит. Поверь моему чутью.

- Не помню, чтобы ты отличительно хвасталась им когда-нибудь.

- О чем вы, девушки?

К нам подошел Сэмюель, принеся глинтвейн.

Молодой человек и будущий муж Регины, мне нравился. Он всегда казался мне приятным, деловым и обладающим чувством юмора.

- О том, - замедлилась подруга, придумывая ответ, - как многолюдно сегодня в парке. Кажется, собрался весь город.

- До Сочельника, это особенное время для встреч, общения и светских раутов.

Я промолчала, медленно откусив пончик, в посыпке из сахарной пудры. С дальнего столика раздался сдержанный смех. Поворачиваться я не стала, дабы показать, что мне все равно. Наоборот, все свое внимание переключила на общение с друзьями, пока к нам не подошел Гилберт Энной, молодой человек, тайно в меня влюбленный.

Чувствуя, что на меня смотрят, я умело изобразила, как мне льстят комплименты, сладострастное приветствие с поцелуем в руку и беседа ни о чем. Все для того, чтобы показать, как мне хватает того общения, которое у меня есть. При этом я держалась сдержанно. Словно назло.

Чуть позже к нам подошел Чарльз, а когда мы решили по-

кинуть теплый павильон, компании у дальнего стола не оказалось. Они ушли. Я закусила губу, словно от сожаления. Еще некоторое время проведя с друзьями и Чарльзом, мы отправились с матушкой домой.

Постоянно возвращаясь мыслями к Филиппу Бартону, я не заметила, как стали затеваться сумерки, окрашивая небо в золотисто-серые оттенки.

Филипп, обложенный документами, проводил вечер в своем кабинете.

В комнате стояли ароматы дерева, сигаретного дыма и крепкого кофе со сливками. Молодой мужчина предпочитал именно такой напиток, добавляя буквально каплю сахара и корицы. Так любила наслаждаться напитком его мать, медленно переворачивала страницы любимых книг.

Он скучал по ней, запрещая себе это делать. Там за внутренней тьмой, которая заполонила его сердце, скрывалась ранимость, которой он не позволял видеть свет.

Откинувшись на спинку кресла из темно-красной кожи, мужчина потер переносицу, закурил сигарету и всмотрелся в написанный на стене пейзаж одного известного художника. В размашистых мазках, угадывалась хмурая, совершенно не терпящая теплых объятий осень, с дующими ветрами и нависшими на небесах тучами.

Филипп сморгнул, уносясь в воспоминания прогулки в парке «Грация». Ухмылка полоснула его рот, стоило ему подумать про Аделину Поли.

Она была красива, он это признавал. Намного красивее всех, кем ему довелось обладать.

Смуглый тон кожи, роскошная шевелюра волос, яркие, как аметисты глаза, могли пленить любого. Он обратил внимание на дураков, вьющихся вокруг нее, заглядывающих ей в рот, желающих отхватить хотя бы один ее взгляд.

Но Филипп был умен и проницателен. Он научился этим качествам со временем. Пришлось стать таким, много слушать и слышать, дольше рассматривать, быть начеку, возвращать себя самому, без особой поддержки.

Молодой мужчина знал, он чувствовал, что Аделина уже на крючке, сама не понимая этого. Она смущалась от того, что творилось у нее в душе, она пока не знала, но Филипп ощущал, как это милое и порой колючее создание, начинает тянуться к нему.

Все шло по плану. Бартон медленно и плавно выстраивал свой ход к достижению цели. Немного подвели эти две курицы, Маргарита и Луиза, появившиеся не вовремя в павильоне. Особенно Маргарита, с ее вечным заглядыванием ему в рот, полная надежд и трепета. Филипп терпеть не мог все эти ухищрения, потому что, по природе своей он был завоевателем.

Молодой мужчина надеялся, что общение с девицами в

кругу друзей, не даст Аделине увидеть в нем дамского угодника. Наоборот, в данной выработанной фазе, он должен был показывать учтивый интерес и внимание, не забывая добавлять поленья в пламя костра.

Ухмылка снова посетила лицо Филиппа. Он вспомнил момент, когда дотронулся до шелковистой пряди волос Аделины. Ее лицо вытянулось. Он кожей ощутил ее трепет, вызванный этим прикосновением. Бартон был уверен, что в тот момент девушка не поняла, как он спокойно проник в ее личное пространство, нарушил ее границы дозволенного, позволил себе больше чем другие, уже сокращая между ними расстояние.

Да, все складывалось как надо. Даже этот простодушный Чарльз Эйден не являлся проблемой. Филипп видел, что девушка не чувствовала к нему ничего особенного, поэтому убрать его с пути было проще простого.

Бесы, внутри молодого мужчины плясали страстное южное танго, еще больше добавляя огня. Вожделение, азарт, страсть, руководили, властвовали над разумом, не давая чему-то другому просочиться наружу.

Филиппу, порой казалось, что он словно падший ангел, прибывший сюда попробовать исправить свои грехи, но все больше и больше увязал, не в силах сопротивляться внутренней, всепоглощающей тьме.

Она желала причинять боль, желала ставить на колени неугодных, желала власти и блеска. Только бы не соприка-

саться с тем, что не так постыдно.

Молодой мужчина поморщился, затушил сигарету, аккуратно складывая документы в папки, встал из-за стола. Он чувствовал усталость, навалившуюся внезапно, и, пройдя по длинной, наполненной тишиной анфиладой залов, направился к себе, чтобы забыться и предаться сну.

Осев на кровать, он вдруг ощутил, что усталость словно являлась спутником его жизни. Он сам не понимал, что вызывало столь сильное переутомление.

Решив более не думать ни о, чем, Филипп заснул, а к полудню, его разбудил Бенджамин, оповестивший, что у него гость.

Луис Вилбор прибыл с визитом и ожидал его в приемной гостиной за чашечкой кофе, как всегда черного и крепкого.

Молодой мужчина не очень любил ранние визиты. Тем более, вчера припозднился, работая с бумагами в кабинете, и чувствовал себя разбитым.

Умывшись прохладной водой, он вытер лицо и переоделся в шустро подготовленные прислужницей брюки и светлую рубашку. Накинув халат из теплого плотного бархата поверх для тепла, мужчина спустился, чтобы поприветствовать друга.

Ненароком Филипп отметил сей факт, что когда Луис появлялся, пространство словно наэлектризовывалось, становилось напряженным и немного давящим, хотя, по внешнему виду товарища, по его ленивой улыбке и голубым глазам,

могло сложиться совершенно другое впечатление.

Луис, закинув ногу на ногу, неторопливо наслаждался терпким напитком, аромат от которого успокаивал и пробуждал.

Бенджамин, видя заспанное лицо хозяина, поторопился принести ему кофе, скомандовав прислужнице.

- Что-то стряслось? – молвил Филипп, усаживаясь в кресло возле окна.

Погодные условия снова не радовали. Белесое полотно облаков застелило весь небосвод, но хотя бы, не было дождя и промозглого ветра.

- Скучал по нашим беседам наедине, да и есть что обсудить.

Луис отставил наполовину выпитую кружечку кофе и, достав портсигар, выудил сигарету и закурил. Струйка дыма медленно поползла вверх, пока товарищ внимательно осматривал Филиппа, о чем-то думая.

- Твои мысли слишком громкие, Луис, - не выдержал молодой мужчина, - не томи.

Друг рассмеялся. В голубых глазах, простодушных, только на первый взгляд, плясали огоньки пламени.

- Не припомню, чтобы мы до конца обсудили некие формальности пари.

Филипп передернул бровями, всматриваясь в лощеное лицо друга. Светлые волосы, надменная физиономия. Ему только не хватало ангельского нимба, но образ был обман-

чив.

- Ты хочешь моего Беса, если мне не изменяет память.

- Хочу, - кивнул Луис, - ставка меня радует, думаю, как и тебя. Кстати, как продвигается твоя игра с этой сучкой?

На удивление, Филиппа покорило обращение друга. Неожиданно он уловил чувство злости, которое всколыхнулось где-то глубоко, но погасло в пучине сдержанности и выверенного поведения.

- С Аделиной Поли, я предполагаю, - парировал Филипп, - в стадии огня и льда.

- Хм, - протянул Луис ощерившись. Белые зубы стали походить на оскал, мгновенно скрытый за тихим смехом. – Мне всегда нравилась эта стадия игры. И как она? Уже клюнула?

- Конечно, - уверенно произнес Филипп. Друзья в один голос рассмеялись. – Ты знаешь, что вину надо всегда дозреть, дать время настояться в разных состояниях.

- Знаю, - продолжал улыбаться Луис, - знаю, но у тебя на это имеется ограниченное количество времени. Я хочу Беса, ты хочешь себе его оставить и заполучить отличного редкого жеребца или кобылку. Думаю, месяц и максимум одна седмица, это то, что нужно.

Левая бровь Филиппа поползла вверх. Он задумчиво провел пальцами по губе, вглядываясь в друга.

- Тыставляешь мне рамки?

- Обсуждаю условия пари. Так сказать, хочется еще большего азарта. Зная твое умение и рвение, ты можешь спра-

виться еще быстрее.

- Тебе нужно ее признание в любви, думаю, это не проблема, за столь короткий срок.

Луис хмыкнул, снова оголяя ровный белый ряд зубов.

— Это было бы слишком банально, Филипп, милый друг. На самом деле, ставки выше, потому что и призы больше. Я даже накину несколько тысяч золотых сверху, если ты сможешь уложить эту горделивую дурочку в постель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.